АНДРЕЙ ДОБРЫЙ

ЗАПРЕТНЫЙ ШЕДЕВР СЕМЬИ БУТЫРКИНЫХ

СЕРИЯ «КОД АРЧИБАЛЬДА»

КОД АРЧИБАЛЬДА. ЗАПРЕТНЫЙ ШЕДЕВР СЕМЬИ БУТЫРКИНЫХ

Жанр произведения: Детские
Произведение написал автор BookBox Андрей МАКАРОВ (Андрей Добрый)
Ссылка на публикацию

КОД АРЧИБАЛЬДА. ЗАПРЕТНЫЙ ШЕДЕВР СЕМЬИ БУТЫРКИНЫХ

«Самые великие тайны не прячутся в сейфах. Они живут рядом — в пыли старых гаражей, в отсвете собачьих глаз и в мазках на холсте, где кто-то навсегда спрятал правду.»

ПРОЛОГ

Один город. Одна осень. Одна нелепая история.

Город тонул в тумане. Не в том романтическом, что из старых книг, а в самом настоящем — холодном, влажном, насквозь пропитанном запахом угля, реки и человеческой нечистоплотности. Фонари бросали на мостовую жалкие пятна света, где копошились таинственные, но явно неприятные создания.

На набережной, прислонившись к фонарному столбу, стоял Человек в Пальто. Пальто было добротным, но порядком поношенным, а в руке он сжимал трость с набалдашником в виде головы серебряного волка. Он ждал. В его профессии ждать приходилось часто, но сегодня ожидание пахло особым провалом — таким, который ощущается кожей и воняет буквально: с реки доносилась удушливая вонь.

«Вот ведь ирония судьбы, — размышлял он, — полжизни гоняешься за пройдохами и негодяями, а теперь сам стоишь в грязном тумане, дожидаясь того, кто, похоже, и руководит всей этой шайкой». Дело, за которое он взялся, пахло не только деньгами, а ещё и большой политикой. А это, как он знал, самая отвратительная субстанция на свете.

Из мрака выплыла фигура. Высокая, худощавая, в плаще.

— Вы? — прозвучало ровно, без эмоций.

— Собственной персоной, — ответил Человек в Пальто. — И, если не ошибаюсь, вы не один. Тени слева и справа от вас портят вид набережной. Непрофессионально.

Он понял, что это ловушка. Но любопытство — его главный порок — пересилило осторожность. Хотелось узнать, кто и зачем заманил его сюда. Его пальцы ещё крепче стали рукоять трости.

И вдруг случилось нечто странное. Не выстрел, не удар. Его спину пронзила вибрация — глухая, нарастающая, сводящая все мышцы в одно неподвижное состояние. Он рухнул на мокрый булыжник, не в силах даже вскрикнуть. Паралич. Искусно.

Перед глазами возникли двое. Не бандиты. Слишком чистые, слишком безликие.

— Объект «Мыслитель» обездвижен, — произнёс один. Голос звучал как доклад о погоде. — Когнитивные функции стабильны. Подготовьте аппаратуру для перезаписи.

«Перезапись? — промелькнула последняя ясная мысль. — Как старую пластинку? Что за чепуха?»

Второй наклонился над ним. В руках — не пистолет, а блестящий цилиндр.

— Не сопротивляйтесь, — сказал он почти вежливо. — Ваш ум слишком ценен, чтобы исчезнуть. Ему найдут новое… применение.

Человек в Пальто хотел возмутиться, заявить, что он не коллекционная монета, которую можно переплавить, но не смог. Лишь заметил маленький портсигар, выпавший из кармана одного из похитителей. На крышке — тот же символ, что и на его трости: серебряный волк. Семейный герб.

«Неужели… они?.. — мелькнуло в голове с последней вспышкой ясности. — Но зачем?..»

Сознание поплыло. Последнее, что он увидел перед погружением в небытие, — маленький блестящий волк, лежащий в грязи всего в паре дюймов от лица. Символ рода, ставший ему эпитафией.

Туман не рассеялся. Ему было всё равно.

Глава 1. Одинокий сыщик

Город Острогорск в конце сентября выглядел словно акварель, смазанная по мокрой бумаге неумелой рукой. Серое небо медленно растворяло верхушки панельных домов, дождь лениво сыпал мелкой, унылой изморосью, а яркие вывески магазинов казались припудренными пеплом. Трамваи ползли по рельсам, позвякивая на стыках, а прохожие, раскрывая зонты-грибы, спешили по

тротуарам. Все куда-то торопились, погружённые в свои заботы — все, кроме Коли Скворцова.

Он сидел в своей комнате, поджав ноги, и наблюдал, как дождевые капли медленно сползали по стеклу. Они сливались в ручейки, расходились, снова соединялись, и Коля мысленно прокладывал для них трассы, как диспетчер в аэропорту. Занятие казалось не менее захватывающим, чем лежавший перед ним учебник по природоведению: «Миграции птиц». Но настоящие миграции происходили не на страницах — они летали у него в голове, перебираясь от одной неразгаданной тайны к другой.

Комната была одновременно крепостью и штабом. На стене висела подробная карта города, усыпанная разноцветными булавками. Красные — «места повышенной криминальной активности» (к примеру, круглосуточный магазин с разбитой витриной), синие — «зоны аномальных явлений» (старый заброшенный особняк с заколоченными окнами), зелёные — «стратегические объекты» (вроде гаражного кооператива «Факел», где можно было укрыться). Рядом висел листок с детским, но твёрдым почерком: «Наблюдай. Запоминай. Анализируй. Никому не верь на слово».

Полки ломились от книг: обязательная школьная литература соседствовала с зачитанными до дыр «Приключениями Шерлока Холмса», «Десятью негритят» Агаты Кристи, томами Кира Булычёва и братьев Стругацких. Это был его пантеон, его университет.

Из кухни доносился ровный голос деда, Николая Петровича Скворцова, полковника в отставке. Он говорил по телефону, и обрывки фраз долетали до Коли: «Да, Петрович, черенки герани подготовлены… Нет, «Москвич» пока на приколе, масло менять…». Голос деда был таким же неизменным, как стук метронома — порядок, тишина, чёткие правила. Родители Коли погибли пять лет назад — «несчастный случай во время экспедиции», — и с тех пор дед стал для мальчика и отцом, и матерью, и командующим тылом. Он снисходительно называл внука «наш оперативник» и «сыщик доморощенный», но иногда в его глазах мелькала лёгкая грусть — словно он надеялся, что Коля выберет что-то более осязаемое: футбол или модели кораблей.

Коля отодвинул учебник, приложил ладонь к холодному стеклу. Там, за пеленой дождя, была настоящая жизнь — полная загадок, ожидающих настоящего сыщика. Вчера одноклассник Вова рассказывал о мигающем огоньке в окне «дома с призраком» на Красноармейской. Коля мысленно составил список версий: сторож (маловероятно — дом заброшен), бомжи (возможно), влюблённые (скучно), ну или, на худой конец, сам призрак (интересно!). Ночную вылазку

откладывать нельзя.

Самое тяжёлое было не школа и не хулиганы. Самое тяжёлое — тишина после родителей. Она не пустая, а густая, как кисель. Она скрывалась в маминой вышивке с рыжим котом, в папиных книгах по геологии, в старом фотоальбоме. Официально — «несчастный случай». Но Коля ощущал, что это не вся правда. Взрослые слишком быстро меняли тему, когда он расспрашивал. Эта тайна была его болью и двигателем. Раскрывая чужие секреты, он надеялся однажды добраться и до своей.

— Коля, ужин! — позвал дед.

На кухне пахло гречкой с тушёнкой и свежезаваренным чаем. Дед разливал суп, в неизменной толстовке.

— Ну как, сыщик, какие подвиги? — спросил он, ставя тарелку перед Колей.

— Да так… ничего, — буркнул Коля. Он не любил рассказывать о своих расследованиях. Для деда это была игра, для него — миссия. Он пробормотал что-то про «миграции птиц».

— Птицы, говоришь? — дед помешивал суп. — Летают, где теплее. Умные создания.

Коля молча кивнул. Они доели в тишине, нарушаемой только тиканьем часов — их общий язык.

После ужина Коля накинул куртку, сказал, что идёт подышать. Дед кивнул:

— Только недалеко. Куртку застегни. Простудишься.

Двор был пуст — разве что у выхода из подъезда стояла троица: Стас, старшеклассник с усиками и вечной сигаретой, и два его прихвостня. Стас ухмыльнулся:

— Опа! Наш местный Шерлок Холмс! Куда путь держишь? Расследуешь?

Коля попытался пройти мимо.

— Эй! — Стас шагнул вперёд. — Раскрой преступление! Кто вчера у третьего подъезда мусорный контейнер опрокинул? Или ты всю карту Острогорска уже проштудировал?

Витька и Славка захихикали. Коля чувствовал, как по щекам растёкся жар. Он не трусил, но против троих шансов нет.

— Я пошёл, — сказал он, пытаясь обойти Стаса. Тот снова преградил путь:

— Куда это ты? Сначала расскажи про огонёк в доме на Красноармейской. Призрака завёл?

Коля рванул вперёд, задел плечом Стаса. Ошибка была в стороне Стаса: адреналин ударил в голову, куртка осталась в руках у старшеклассника, а сам он бросился бежать. Хохот и крики преследующих доносились сзади: «Держи его! Куда ты, сыщик недоделанный? За курткой вернётся!»

Он мчался не думая, ноги сами несли его к гаражному кооперативу «Факел». Там он перепрыгнул через низкий забор, вдохнул запах ржавого железа, бензина и влажного дерева, скрывшись среди кирпичных боксов и гор старого хлама. Сердце колотилось, в висках стучало. Он прислонился к холодной стене, отдышался. Стас и компания прошли мимо, не решившись заходить глубже.

Коля остался один. Унижение сменилось привычной пустотой. Великий сыщик, неспособный постоять за себя. Призраки? Тайны? Пустяки.

Он пошёл к дальнему краю кооператива, где начиналась свалка. Для других — помойка, для него — место силы. Разбитые унитазы, покорёженные велосипеды, покрышки и детали старых машин в сумерках выглядели фантастично. Он нашёл свой «штаб» — сухое место под навесом, присел на перевёрнутое ржавое корыто. Достал компас — подарок деда. Стрелка указывала на север, надёжно, в отличие от людей.

Последние капли дождя падали с шифера. Куртка у Стаса. Придётся придумать историю для деда. Он медленно поднял взгляд на кучу мусора — там что-то шевельнулось. Тихий, прерывистый стон. Любопытство пересилило осторожность.

Коля приблизился. Из-под обломков торчал тёмный комок шерсти. Собака. Большая, грязная, с рваной раной на боку. Один глаз стоял торчком, другой повис. Она лежала без движения. И вдруг открыла глаза — почти человеческие, карие, полные боли и достоинства. В них не было страха, лишь спокойное принятие судьбы.

Коля замер. Все теории и карты мгновенно испарились. Он забыл про холод, хулиганов, куртку. Всё на свете исчезло.

— Держись, дружище, — прошептал он, опускаясь на колени. — Сейчас помогу.

Он разгребал мусор, освобождая собаку, сдирая кожу на пальцах об острые края. Боли не ощущал — только ужас, что пёс умрёт у него на глазах. Клетка

была разбита, буквы и цифры на ней — «…ъект П-1…» — Коля запомнил, но это было вторично.

Собака была освобождена, огромная для дворняги. Коля снял свитер, подложил под живот — импровизированные носилки. Тащить было тяжело, пес без сознания, тело обвисло. Пятясь, он волок его к гаражу, цепляясь за камни. Каждый шаг давался с трудом, спина заныла, по телу струился пот, несмотря на холод.

Знакомые зелёные ворота. Коля вставил ключ, скрип двели оглушил. Он втащил пса внутрь, рухнул рядом. Гараж пах бензином, маслом и старым деревом. Здесь был особенный мир: «Москвич-412», ящики с инструментами, на дальней полке — коробка с его игрушками.

Он зажёг лампочку. Пёс был грязный, с глубокою раной, но с аристократичной мордой. Коля вспомнил ОБЖ: остановить кровь, обработать рану. С чистой ветошью и перекисью действовал как хирург. Пёс стонал, Коля дрожал, но продолжал.

Принёс миску с едой и воду. Сел напротив, завернувшись в дедов халат. Холодно, голодно, страшно. Говорил тихо, почти шёпотом, борясь с одиночеством:

— Ничего, дружище… Выживешь. Я один почти. Дед классный, но… Он не поймёт про Шерлока Холмса и карту. А ты… поймёшь? Выручишь — будем вместе улики искать.

Он гладил шерсть. Пёс словно отвечал лёгким облегчением.

— Меня сегодня достали… Стас. Куртку отобрал. Дед вздохнёт… Знаешь, как взрослые вздыхают, разочарованные? Вот это противно.

Коля прислушался к ночным звукам. Где-то машина, хлопок двери. Обычная жизнь шла, а здесь, в гараже, другая — таинственная и тревожная.

Он уже дремал, когда услышал движение. Пёс шевелился, пытался приподнять голову. И вдруг, в голове Коли прозвучал голос: усталый, вежливый, человеческий:

«Где я? Кто вы, молодой человек? И что с голосом? Он звучит… странно. Глухо».

Коля ахнул, отпрянул. Стул скрипнул. Пёс моргнул. В его карих глазах — гамма эмоций: растерянность, боль, попытка анализа. Новый мысленный голос, с паникой:

«Вы… слышите? Но это невозможно. Лапы… Боже, что за тело?»

Коля сидел, не двигаясь. Страх сменялся любопытством. Он протянул руку к шерсти пса.

— Я… я тебя слышу, — прошептал. — Но не ртом. У меня в голове.

Пёс замер, взгляд проникал в душу. Прошла минута.

«Феноменально, — прозвучало в голове. — Телепатическая связь. Односторонняя? Нет… Я понимаю ваши слова без звука. Помогите сесть. И скажите, где мы и какой сейчас год?»

Коля осторожно подложил под бок тряпку. Они сидели друг напротив друга — мальчик в замасленном халате, пес с благородной мордой и перевязанным боком. Один — с трепетом первооткрывателя, другой — с достоинством попавшего в беду джентльмена.

— Меня зовут Коля, — сказал мальчик. — А тебя?

Пёс наклонил голову. В глазах мелькнула горькая ирония:

«Меня зовут сэр Арчибальд фон Хундерквинтель. По крайней мере, так было. Сейчас, похоже, я — четвероногое существо, в чью шкуру неудачно вселился. Нам есть что обсудить».

За стенами гаража шумел город: школа, хулиганы, скучные уроки. А здесь, в мире бензина и тайны, начиналась совсем другая история.

Глава 2. Сэр Арчибальд фон Хундерквинтель

Тишину в гараже нарушало лишь тяжёлое, хрипловатое дыхание пса. Свет лампочки отбрасывал длинные, дрожащие тени, в которых плясали очертания старых ящиков и дедового «Москвича». Коля, не мигая, смотрел на говорящего — или, точнее, мыслящего — пса, и его мозг отчаянно пытался найти логическое объяснение.

Шизофрения? Переутомление? Галлюцинации от голода и стресса? Но нет. Взгляд карих глаз был умным, осмысленным, оценивающим: по нему скользнуло мгновенное считывание обстановки, его лица, беспорядка вокруг. Это не было галлюцинацией. Это было чудо. И Коля, как любой уважающий себя исследователь, решил разобраться.

— Сейчас… двадцать первый век, — наконец выдавил он, сглотнув ком в горле. — Две тысячи двадцать четвёртый. А это гараж моего деда. В Острогорске.

«Две тысячи… двадцать четвёртый?» — мысленный голос Арчибальда прозвучал с такой интонацией, будто ему сообщили, что Земля плоская и держится на трёх китах. — «Поразительно. Значит, я отсутствовал весьма продолжительное время. Острогорск? Не слышал. И где же, если не секрет, находятся Бейкер-стрит и Скотленд-Ярд? В относительной доступности, разумеется».

— Бейкер-стрит? — Коля на мгновение опешил. — Это… это в Лондоне. В Англии. До него самолётом часа четыре.

В глазах Арчибальда мелькнуло что-то похожее на панику, которую он тут же подавил усилием воли. Он попытался привстать, но слабость и боль в боку заставили снова лечь.

«Лондон… Так и есть. Значит, меня не просто убили. Меня… переместили. В пространстве и, что куда более ошеломляюще, во времени. И в теле, — он с горьким отвращением посмотрел на свою лохматую лапу, — этого существа. Прекрасный набор для начала дня, не правда ли?»

— Вас… убили? — Коля присел на корточки, забыв о страхе. Его детективное сердце забилось быстрее. Это было не просто тайна, это было настоящее дело.

«Последнее, что я помню отчётливо, — туманный вечер на набережной Темзы. Я шёл на встречу с информатором. Дело о пропавших чертежах… неважно. Удар в спину. Не нож. Электрический разряд. А потом… пробуждение здесь. С этим телом. И этим… голосом в голове, которым оказались вы, молодой человек».

Он замолчал. Коля почувствовал, как по спине снова пробежали мурашки. Это было не просто убийство. Это было похищение. Похищение души.

— А как вас звали? То есть… до этого? — робко спросил Коля.

«Сэр Арчибальд фон Хундерквинтель, — мысленный голос произнёс с неизменным достоинством, словно представлялся в салоне английской королевы. — Сыщик-консультант. Специализация — запутанные дела, где не столько важна грубая сила, сколько извилины мозга. А вы, судя по всему, тоже неравнодушны к сыскному ремеслу?» — Его взгляд упал на торчащий из рюкзака Коли уголок блокнота с надписью «Досье».

Коля покраснел и кивнул.

— Я… люблю детективы. Веду наблюдения. Вот, — он достал блокнот. — Это досье на всех во дворе. А это — карта подозрительных мест.

Арчибальд с интересом уставился на блокнот, словно мысленно листал страницы.

«Любопытно. Методика, в целом, верная, хотя и страдает юношеской бессистемностью. Например, вы зафиксировали, что соседка, баба Катя, выносит мусор в семь утра, но не отметили, меняется ли расписание в выходные. А это важно: в моё время один преступник выдавал себя тем, что в воскресенье молился в церкви вместо привычного завтрака. Но я отвлёкся. Благодарю вас. Вы спасли мне жизнь. Пусть и в этом… не самом презентабельном обличье».

— Не за что, — смущённо пробормотал Коля. Потом его осенило. — А что это за слово вы сказали? «Палимпсест»? Когда у вас был жар.

Арчибальд нахмурился. Его брови сдвинулись на лохматом лбу, создавая комично-серьёзное выражение.

«Палимпсест… Да, смутно помню. Это слово вертелось в сознании, когда я приходил в себя. Связано с тем местом, откуда сбежал. С лабораторией. Люди в белых халатах… писали поверх. Как на старом пергаменте: стерли прежний текст, написали новый».

Он замолчал. Коля почувствовал исходящий от него ужас. Не животный страх, а глубокое, человеческое отвращение. Стерли его личность, как старую рукопись, и записали в тело собаки.

— Лаборатория? — прошептал Коля. — А вы помните, где она? Как выглядели эти люди?

«Очень смутно. Вспышки света. Холод. Металл. И чувство, что я должен был кого-то найти… спасти… но не успел. И ещё… — он посмотрел на рану, — я бежал. Сквозь лес, по грязи. Меня догнали. Но я вырвался. Вот почему я здесь».

Коля сжал кулаки. Его собственное одиночество вдруг показалось мелким рядом с трагедией Арчибальда. Он был не просто говорящим псом. Он был жертвой. Настоящим делом.

— Мы их найдём, — твёрдо сказал Коля. — Раскроем это дело. Я помогу.

Арчибальд смотрел с удивлением: борьба снобизма аристократа и искренней благодарности читалась в глазах.

«Вы отважны, Коля. И благородны. В моё время ценили такие качества. — Он тяжело вздохнул. — Похоже, у меня мало вариантов. Я принимаю ваше предложение. Но учтите: сыскное ремесло не терпит небрежности».

Снаружи послышались шаги и скрип ключа. Оба замерли. Арчибальд мгновенно прикрыл глаза, изображая сонное, безразличное животное.

— Ни слова деду, — шепотом сказал Коля. — Пока что. Я всё объясню потом.

«Секретность — основа любого расследования», — мысленно согласился Арчибальд.

Шаги удалились. Коля выдохнул. Он посмотрел на пса, который снова открыл глаза, оценивающе.

— Вам нужно есть, — вспомнил Коля. — И пить. И рану обработать.

«Пить — да. Есть… — Арчибальд с сомнением посмотрел на миску с остывшим рагу. — Придётся отказаться от гастрономических предпочтений. Но, молодой человек, без лука в следующий раз. И картофель отдельно, не как монолит».

Коля фыркнул. Смех прорвался сквозь напряжение. Он поднёс воду к морде пса, и тот с достоинством припал к горлышку, мысленно: «Уф… Деревенски, но освежающе».

Пока Арчибальд пил и, с явным отвращением, ел, Коля думал: о лабораториях, похищенных душах, таинственном «Палимпсесте». Его серая жизнь превратилась в страницу из книги любимых авторов. Перед ним был не просто пёс. Перед ним — величайшая загадка.

— Значит, вы сыщик, — снова заговорил Коля.

«Был сыщиком, — поправил Арчибальд. — А сейчас я живая улика в своём деле. И не знаю, с какой стороны подступиться. Разве что…»

— Что? — спросил Коля.

«Начать с малого. Освоиться в этом времени. Вы, Коля, будете моими глазами и ушами. Моим единственным связным с миром 2024-го. Договорились?»

Коля кивнул, уверенно. В груди горел огонёк авантюры, тайны и настоящей дружбы.

— Договорились, сэр Арчибальд.

Пёс слабо вильнул хвостом, неуместно для аристократичной осанки, и закрыл глаза. Он снова засыпал, но теперь спокойно. Он был не один.

Коля сидел рядом и строил планы. Нужно скрывать огромную собаку от деда. Нужно достать еду. И главное — расследовать. На первой странице блокнота теперь красовалось новое дело: «Дело №0. Палимпсест».

Глава 3. Новая реальность и первый союзник

Коля проснулся от того, что ему было холодно и неудобно. Спина ныла, под щекой кололась какая-то тряпка, пахнущая пылью и машинным маслом. Несколько секунд он тупо смотрел в закопчённый потолок гаража, пока в памяти не вспыхнули события вчерашнего дня. Побег от Стаса. Свалка. Кровь. Голос в голове. Пёс.

Арчибальд.

Он резко сел, сердце забилось так, будто пыталось пробить себе дорогу наружу. Всё было на месте. Гараж, ящики, дедов «Москвич». И пёс — сидел, поджав лапы, с выпрямленной спиной и видом такого достоинства, будто спал на шелковом диване, а не на старом ковре.

«Доброе утро, юный друг, — раздался в голове бархатный баритон. — Надеюсь, вы хорошо отдохнули на этом аскетичном ложе. Впрочем, должен признать, кровать в „Савойе“ имела определённые преимущества».

Коля хрипло засмеялся и тут же спохватился — ведь дома! Дед!

Он схватился за рюкзак, посмотрел на часы — без десяти семь — и побледнел.

— Мне… мне надо бежать! — выдохнул он. — Дед! Он…

«Понимаю, — спокойно отозвался Арчибальд. — Ваш опекун, вероятно, не был извещён о вашем ночлеге на промасленной простыне. Советую продумать правдоподобную легенду. И если можно… э-э… это тело требует некоторых, скажем так, физиологических мероприятий. Я пытался медитировать, но, увы, у собачьей анатомии есть свои непобедимые аргументы».

Он сказал это с тем тоном, каким обычно заказывают чай в «Ритце». Коля сглотнул и кивнул.

— Э-э… да, конечно. Только тихо, ладно?

Он осторожно приоткрыл ворота и выглянул. Утро было серое, мокрое, чужое. В воздухе висел запах сырости и бензина. Пёс выбрался наружу, морщась от каждой лужи, как герцог, ступивший на неровную мостовую. В голове у Коли мелькали отрывки мысленного ворчания:

«О, сыщики прошлого — Дюпен, Лекок… до чего же низко пал их наследник. „Выгул“. Какое унизительное слово».

Вернувшись в гараж, Арчибальд первым делом начал тщательно вылизывать лапы.

«Прошу вас, Коля, добудьте воду и мыло. Или хотя бы влажное полотенце. Без соблюдения элементарной гигиены я не способен концентрироваться. Мозг требует чистоты не меньше, чем тело».

— Хорошо, — буркнул Коля. — Я принесу. Только сиди тихо. И не… ну, не гавкай.

«Лай? — мысленно возмутился пёс. — Сударь, я не гавкаю. Я издаю предупреждающие сигналы. Иногда — угрожающее рычание. Но лаять, как какой-то дворовый простолюдин… увольте».

Коля усмехнулся, натянул рюкзак и выскользнул наружу.

Пять минут пути домой показались вечностью. В груди жило ощущение неминуемого суда. Он представлял деда — сурового, молчаливого, с этим взглядом, от которого внутри всё становится меньше.

Когда он открыл дверь, запах кофе и свежего хлеба ударил в нос. Всё было как обычно. Даже слишком. На кухне — стук ложки, шелест газеты. Николай Петрович сидел за столом и пил кофе. Поднял глаза. Спокойно. Чересчур спокойно.

— Ну, — сказал он. — Рассказывай.

Коля застыл у порога.

— Я… был в гараже. Модельку клеил. Заснул.

— В гараже. Ночью. Без предупреждения. В куртке, которая, по словам дворника, болтается на дереве у подъезда. Это как понимать?

Коля опустил голову. Лгать дальше было бессмысленно.

— Стас… с ребятами… Они отобрали куртку. Я просто… сел в гараже, отдохнул. Заснул.

Он ждал бурю. Но дед долго молчал, потом тихо сказал:

— Коль, я тебя воспитываю не для того, чтобы ты по гаражам от хулиганов прятался. Ты мог позвонить. Я бы вышел.

— Не хотел подводить, — пробормотал Коля. — Ты же говорил — мужчина должен сам уметь постоять за себя.

— Постоять — да. Но не в одиночку зарываться.

— Дед вздохнул. — Я не буду тебя ругать. Думаю, ночь на досках — наказание само по себе. Но чтобы в последний раз, понял? Появились проблемы — говори. Это не слабость. Это здравый смысл. Садись, ешь.

Коля опустился за стол, чувствуя, как ком в горле мешает дышать. Дед налил ему чаю, поставил кружку с надписью «Самый лучший внук». Как всегда.

— Спасибо, — выдавил Коля.

— После завтрака пойдём куртку снимем. И с моделькой разберёмся, — добавил дед.

Коля понял, что «моделька» теперь должна существовать на самом деле. И быстро.

В школе он плыл по течению. Учителя говорили, формулы мелькали, но сознание было далеко — в гараже. У пса. У сэра Арчибальда фон Хундерквинтеля, жертвы проекта «Палимпсест».

Ему нужен был союзник. Кто-то, кто не просто выслушает, а поверит.

Он знал только одну — Машу Зимину.

Маша сидела на подоконнике, уткнувшись в планшет. Рыжие волосы закрывали лицо, пальцы бегали по экрану. Когда Коля подошёл, она подняла глаза — холодные, внимательные.

— Привет, — сказала она. — Слышала, тебя вчера Стас достал. Что, мстить будешь? С применением ловушек и сверхразумных схем?

— Не до него. У меня дело. Настоящее, — ответил Коля.

Она отложила планшет.

— Дело? Это уже интересно. Какое?

— Секретное. И фантастическое. Мне нужна твоя помощь.

— Ты хочешь, чтобы я взломала школьный сервер и выставила Стасу нули? — невозмутимо уточнила она.

— Нет! — зашипел Коля. — Это серьёзнее. Гораздо. Речь идёт о… похищении личности.

О лаборатории. О чём-то, чего вообще не должно существовать.

Маша вскинула брови.

— Коля, тебе точно не нужно к врачу?

— Не нужно! Просто поверь. После уроков — в гараж. Покажу. Но обещай: никому. И без паники.

Она прищурилась. Несколько секунд изучала его лицо. Потом медленно кивнула.

— Ладно. Но если это окажется шуткой, я устрою твоему компьютеру цифровой Армагеддон.

— Договорились, — выдохнул Коля.

После уроков они шли молча. Коля нервничал. Маша — нет. Она выглядела так, будто идёт на экскурсию в музей редких глупостей.

— Там хоть не грязно? — спросила она на пороге.

— Чисто, — соврал Коля и отпер замок.

В гараже пахло пылью и тайной. Арчибальд поднял голову. Уши насторожились, взгляд стал острым, почти человеческим.

— Ну? — сказала Маша, осматривая помещение. — И что тут у нас? Гараж. Пыль. И собака. Очень секретно.

«Бродячая собака? — в голосе Арчибальда прозвенела ледяная обида. — Это уже переходит все границы!»

— Он просит извинений, — серьёзно сказал Коля.

— Кто? — насторожилась Маша. — Собака?

— Он не просто собака. Его зовут сэр Арчибальд фон Хундерквинтель. Он был человеком. Великим сыщиком. А теперь его сознание в теле пса. Мы общаемся мысленно.

Маша открыла рот, потом закрыла.

— Угу. А ты случайно не забыл принять таблетки?

— Спроси его что-нибудь! Что я не мог бы знать!

Пауза. Потом в голове Коли зазвучал спокойный голос:

«Скажите этой юной леди, что её поза закрыта, руки скрещены, левая нога чуть отставлена назад. Это защитная реакция. Слова у неё — уверенные, но тело говорит: боюсь поверить. Боюсь, что окажусь не права».

Коля передал.

Маша распрямилась, удивлённо опустила руки.

— Ты… откуда это знаешь?

— Это он! — сказал Коля. — Он… наблюдатель. Психолог. Детектив.

«Не психолог, — уточнил Арчибальд. — Наблюдатель. Это как разница между чтением книги и расшифровкой древней надписи».

Маша задумчиво сняла очки и протёрла их свитером.

— Допустим. Тогда объясните: это что — телепатия?

«Возможно. Или побочный эффект тех, кто создал проект „Палимпсест“. Они стерли моё сознание и записали его сюда. Как чернила поверх старого текста».

Коля перевёл.

Маша вздрогнула. Сомнение и азарт на лице боролись.

Он достал из кармана бирку — пластиковый обрывок с выцветшей надписью.

— Вот! Я нашёл это у него. Видишь? «Объект П-13». Это не шутка, Маш.

Она взяла бирку, поднесла к свету.

— Если это подделка, она гениальная… Но если нет… — Она осеклась. — Тогда это переворачивает всё.

Коля молчал.

— Он в беде, — наконец сказал он. — И те, кто это сделал, могут его искать. Мы должны понять, кто они. И что они сделали.

Маша посмотрела на него, потом на пса.

И впервые — улыбнулась. Настояще, широко.

— Ладно, сыщики. Я в деле. Но по моим правилам. Все данные проходят через меня. Полная секретность. И без героизма.

«Она умна и решительна, — заметил Арчибальд. — Такие союзники — редкость. Берегите её, Коля».

— Договорились, — ответил Коля.

Маша включила планшет. Голубой свет осветил её лицо.

— Начнём с базы данных. „Палимпсест“. „Объект П-13“. Посмотрим, что вытащит сеть из своих глубин.

И в тусклом свете лампочки, среди запаха масла и железа, родилось их трио:

мальчик с сердцем сыщика, девочка с умом инженера и пёс, чей взгляд помнил век викторианских тайн.

Трио против неизвестного.

И впервые Коля почувствовал — он больше не один.

Глава 4. Сэр Арчибальд фон Хундерквинтель

Коля стоял, прислонившись к дедову «Москвичу», и пытался осознать, что только что произошло. Его тайна, такая огромная и невероятная, теперь принадлежала не только ему. И что удивительнее всего — Маша не сбежала с криками. Не подняла на смех. Хотя, если бы это случилось, то Коля бы понял, ведь мало кто может поверить во всю эту фантастическую историю. А Маша поверила. И осталась.

«Что ж, — раздался в его голове мысленный голос, прерывая размышления. — Ваша подруга… а я правильно уловил гендерную принадлежность?.. обладает незаурядным умом и, что важнее, непредвзятостью. Редкое качество для любого времени. Хотя её манера общения несколько… резковата».

Арчибальд сидел на своем тряпичном ложе, вылизывая рану на боку. Движения его были точными и экономичными, словно он выполнял важную медицинскую процедуру, а не занимался грубой гигиеной.

— Она не моя подруга, — автоматически поправил Коля. — Она… одноклассница. Но да, она самая умная в школе.

«Одноклассница, подруга… не суть важно. Важно, что теперь нас трое. А значит, наши шансы на выживание и успешное расследование многократно возросли. Теперь, мой юный, но не по годам смышлёный друг, поскольку кризис первого контакта миновал, полагаю, нам стоит обсудить наши дальнейшие действия. А именно — мои бытовые условия».

Пес поднял голову, и его взгляд стал критическим. Он обвел гараж по периметру, и Коля вдруг ясно увидел это место его глазами — не как уютное убежище, а как холодное, грязное, неприспособленное для жизни помещение.

«Во-первых, постельные принадлежности. Этот конгломерат тряпок, — он мысленно тыкнул в направление своего «лежака», — неприемлем. Они впитывают влагу, пыль и, простите, запахи. Требуется поролоновый матрас. Или, на худой конец, охапка свежего сена. Во-вторых, питание. Хлеб и остатки вашей трапезы — это экстренная мера, но не рацион. Мне требуются белки для заживления раны. Мясо. Вареное. Без специй. И овощи. И, в-третьих…»

— В-третьих? — устало переспросил Коля, чувствуя, как на него наваливается груз ответственности за благополучие аристократичного пса.

«В-третьих, мне необходимы гигиенические процедуры. Я не могу оставаться в таком… состоянии. — Он с отвращением посмотрел на свою слипшуюся шерсть. — Мне требуется помывка. Со специальным шампунем. Я не настаиваю на аромате лаванды, как в моём любимом лондонском отеле, но, по крайней мере, нейтральный. И расческа. Крупная. Металлическая».

Коля смотрел на него, и его охватило странное чувство — смесь жалости, уважения и желания зарыдать от бессилия. Где он, десятилетний мальчик, возьмет поролоновый матрас, мясо и шампунь для собак? Украсть у деда? Но он уже и так чувствовал себя вором и обманщиком.

— Я… я постараюсь, — без особой надежды пообещал он. — Но ты же понимаешь, это сложно. Дед…

«Я понимаю, что вы ставите под угрозу свои отношения с опекуном, — мысленный голос прозвучал неожиданно мягко. — И я ценю это. Поверьте, я не

из тех, кто принимает жертвы как должное. Но, Коля, подумайте. Я — единственная зацепка в деле о «Палимпсесте». Возможно, единственный ключ к разгадке тайны ваших родителей. Чтобы я мог работать, мне нужно восстановить силы. И… поддерживать хотя бы подобие приличий».

Он был прав. Коля кивнул, сжав кулаки. Он должен был найти способ. Он был частью команды теперь. Ответственной частью.

— Хорошо. Сегодня я принесу тебе поесть нормально. И… может быть, воду для мытья. А там посмотрим.

Он собрал свои вещи, чтобы идти домой. Предстоял новый раунд объяснений с дедом. Но теперь у него была цель. Он чувствовал себя не просто мальчиком, который тайком держит в гараже собаку. Он чувствовал себя… агентом на секретном задании.

Вечер дома прошёл на удивление спокойно. Дед, казалось, счёл инцидент с ночёвкой в гараже исчерпанным. Он спросил, снял ли Коля куртку с дерева (снял), и поинтересовался, как продвигается «модель». Коля, покраснев, пробормотал что-то невнятное про «сложную конструкцию» и «нехватку деталей». Николай Петрович хмыкнул, но не стал допытываться.

За ужином дед был задумчив. Он медленно ел гречневую кашу, изредка поглядывая на внука. Потом отложил ложку.

— Коль, — сказал он. — Помнишь, я тебе рассказывал про Глеба Бутыркина?

Коля насторожился. Имя было незнакомым.

— Нет. Кто это?

— Художник. Местная знаменитость, в своём роде. Мы с ним общались в студенческие годы. Он учился в художке, я — на военной кафедре. Случайно столкнулись в библиотеке, разговорились. Он был… странным. Гениальным, но странным. Вечно ходил в краске, говорил загадками. Как-то раз он нарисовал мой портрет. Твой бабушке нравилось.

Коля с интересом слушал. Дед редко рассказывал о своём прошлом.

— И что с ним?

— Умер давно. При весьма странных обстоятельствах, надо сказать… Но сейчас не об этом. А на-днях в городе шумиха. Его наследники, племянник какой-то, выставляют на всеобщее обозрение его главную картину. «Красный конь в синих

тонах». Все газеты трубят. Завтра открытие выставки в галерее «Арт-Острогорск».

— Круто, — сказал Коля без особого энтузиазма. Искусство его интересовало мало.

— А вот и не круто, — дед покачал головой. — Дело в том, что эта картина — яблоко раздора. Глеб завещал её городу. А наследники, хитрые дельцы, хотят её продать какому-то заграничному коллекционеру. Выставка — это просто формальность, чтобы поднять цену. А ещё ходят слухи, что в картине той сам Бутыркин зашифровал место, где клад семейный спрятал. Враньё, конечно, но народ будоражит.

История начала приобретать для Коли очертания детектива. Алчные наследники, таинственная картина, скрытый клад…

— И что, они могут так просто её продать? — спросил он.

— Юридически — да. Если докажут, что это их законная собственность. А у города денег, чтобы выкупить её по рыночной цене, нет. Вот и вся история. Жаль, конечно. Картина-то, говорят, невероятная. И нашему городу была бы честь — иметь такое наследие. Но что поделать… — Дед развёл руками и снова взялся за ложку. — Миром правят деньги, Коль. Запомни это.

Но Коля уже не слушал. Его мозг, настроенный на поиск загадок, заскрипел от напряжения. Алчные наследники, пытающиеся обойти волю художника… Это же готовая схема для преступления! Не настоящего, конечно, но для тренировки… Он мог бы попробовать распутать это дело теоретически. Понаблюдать за наследниками, изучить обстоятельства…

Мысль о том, чтобы поделиться этим с Арчибальдом, заставила его сердце екнуть от предвкушения. Вот это будет настоящее дело для великого сыщика! Пусть и теоретическое.

На следующее утро, принеся Арчибальду на завтрак взятую из дома вареную куриную грудку и морковку, Коля с жаром изложил ему историю, услышанную от деда.

«Любопытно, — мысленно отозвался Арчибальд, с достоинством разжевывая курицу. — Классический конфликт: коммерческая выгода против культурного наследия. И элемент с кладом добавляет пикантности, хотя, скорее всего, это не более чем легенда для простонародья. А что говорит ваша… одноклассница?»

— Маше? Я ей ещё не рассказывал, — признался Коля. — Но… это же готовая загадка! Настоящее дело! Может, предложить ей заняться этим вместе? Теоретически, конечно.

«Превосходная мысль! — мысленный голос прозвучал одобрительно. — Практика — лучший учитель. А наличие технически подкованного союзника может оказаться неоценимым. Более того…»

Арчибальд не успел договорить. Дверь гаража скрипнула. Оба замерли. В щели показалось лицо Маши.

— Можно? — она просунула голову внутрь. — Принесла кое-что. И новости.

Она вошла, держа в одной руке полиэтиленовый пакет, а в другой — свою неизменную сумку с планшетом и ноутом. Её взгляд сразу же упал на миску с едой.

— А, уже кормите. Отлично. Белок нужен для регенерации тканей. — Она протянула Коле пакет. — Держи. Немного мясных консервов, на первое время. А также влажные салфетки, расчёска, антисептик и бинты. Купила в аптеке.

Коля с изумлением взял пакет. Арчибальд мысленно вздохнул с облегчением.

«Превосходно! Наконец-то проблеск цивилизации. Благодарите её от моего имени».

— Он говорит спасибо, — перевёл Коля.

— Не за что, — Маша пожала плечами и устроилась на ящике с инструментами. — Ну, так что у вас тут? Новое дело на горизонте?

Коля переглянулся с Арчибальдом и кивнул.

— Да. И оно… вполне реальное. Точнее, пока теоретическое, но…

Он с энтузиазмом принялся рассказывать Маше всё, что услышал от деда: о художнике Бутыркине, о спорной картине «Красный конь в синих тонах», об алчных наследниках, которые хотят обойти волю художника и продать шедевр за границу.

— И дед сказал, что картина — чуть ли не культурное достояние города, — закончил Коля. — А они хотят её просто продать. Представляешь? Мы могли бы… ну, не помешать им, конечно, но хотя бы разобраться в этой истории. Как в детективе. Изучить всех подозреваемых, понять их мотивы… Тебе интересно?

Маша слушала, не перебивая, изредка покручивая в руках свой планшет. Когда Коля закончил, она задумалась.

— Алчные наследники против воли художника… Звучит как сюжет для плохого сериала, — наконец сказала она. — Но… да, в этом есть своя логика. И это куда интереснее, чем домашнее задание. — Она включила планшет. — Ладно, давайте попробуем. Начнём с базы. Посмотрим, что за птицы эти наследники.

Её пальцы замелькали по экрану. Коля с восхищением наблюдал, как она листает виртуальные досье, корпоративные отчёты, выдержки из баз данных.

— Так-так-так, — бормотала она себе под нос. — Наследник, Виктор Бутыркин… О, интересно! Судимость за мошенничество пять лет назад. Сейчас в долгах по уши. Ипотека, кредиты… Да он на мели! — Она посмотрела на Колю и Арчибальда. — Для него эта картина — последний шанс. Мотив налицо.

«Вы слышите, Коля? — мысленно произнёс Арчибальд. — Классика. Отчаяние и жадность — гремучая смесь, часто ведущая к преступлению. Я бы поставил на этого Виктора как на главного подозреваемого, если бы… что-то случилось».

— Если бы что-то случилось? — переспросил Коля.

— А оно уже случилось, — мрачно сказала Маша, поворачивая к ним планшет. На экране была новостная лента. Жирный заголовок гласил: «СЕНСАЦИЯ: ШЕДЕВР БУТЫРКИНА ПОХИЩЕН ИЗ ГАЛЕРЕИ ЗА НОЧЬ ДО ОТКРЫТИЯ ВЫСТАВКИ!»

Коля ахнул. Его теоретическое дело только что стало самым что ни на есть настоящим.

— Как?! — прошептал он. — Ведь завтра же открытие! Охрана, сигнализация…

— По предварительным данным, — зачитала Маша с экрана, — преступники действовали безупречно. Не оставили следов, не сработала сигнализация. Картина будто испарилась из запертого запасника.

В гараже воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерцанием экрана. Коля смотрел на Арчибальда, а тот смотрел на него. В его карих глазах горел давно забытый, но узнаваемый огонь — огонь охотника, учуявшего дичь.

«Ну что ж, юный друг, — прозвучал в голове Коли его мысленный голос, и в нём впервые зазвучали стальные нотки. — Похоже, наше теоретическое упражнение неожиданно превратилось в практическое. Полагаю, нам пора познакомиться с местом преступления».

Коля почувствовал, как по его спине пробежали мурашки. Страх, неуверенность — всё это куда-то испарилось. Осталось только жгучее, всепоглощающее любопытство и азарт.

— Но как? — спросил он. — Нас же туда не пустят.

Маша хитрено улыбнулась.

— Официально — нет. Но у меня есть идея. Арчибальд, как вы относитесь к работе под прикрытием?

Пёс насторожился.

«К какой именно работе?»

— К роли служебной собаки. Из кинологической службы. Мы вас… немного замаскируем.

Арчибальд издал мысленный стон, полный глубочайшего страдания.

«Вы предлагаете мне, сэру Арчибальду фон Хундерквинтелю, унизиться до роли… четвероногого жандарма?»

— Это единственный способ попасть внутрь до того, как там всё затопчут, — парировала Маша, уже понимая суть его возражений по лицу Коли. — Иначе мы ничего не узнаем.

Арчибальд закрыл глаза. Казалось, он переживал глубочайший внутренний кризис. Наконец, он мысленно вздохнул.

«Что ж… Ради правосудия. И ради расследования «Палимпсеста». Я согласен на это… унижение. Но только при условии, что моё обличье будет выглядеть… достойно».

— Договорились, — сказал Коля, и в его голосе звенела решимость. — Мы идём на дело.

Глава 5. Улика из прошлого

Понедельник ворвался в жизнь Коли с настойчивым звонком будильника, разрывающим сон, в котором он, как заправский сыщик, преследовал красного коня по залам галереи, а тот вдруг оборачивался дедом с портсигаром в руке. Коля сел на кровати, пытаясь отделить вчерашнюю фантастическую реальность от сегодняшней повседневности.

Из кухни доносился низкий, размеренный голос деда — он говорил по телефону, и Коля сразу понял, что разговор серьезный.

— ...Нет, Петрович, не шучу. Ночью, представляешь? Как сквозь землю провалился... Да, тот самый «Красный конь»... — Пауза, затем дед хрипло рассмеялся. — Нет, я с Колей не говорил, он еще спит. Да, он в курсе, вчера рассказывал... Ну, наш сыщик доморощенный, куда ж без него...

Коля быстро умылся и оделся, чувствуя странную смесь вины и гордости. Вчера он с Машей и Арчибальдом обсуждал это преступление как свою личную миссию, а сейчас слушал, как взрослые пережевывают те же факты, не подозревая, что настоящие сыщики уже взялись за дело.

На кухне пахло свежесваренной гречневой кашей и чем-то подгоревшим — дед вечно отвлекался на разговоры и забывал про плиту. Николай Петрович Скворцов, полковник в отставке, сидел за столом с телефоном в одной руке и ложкой в другой. Увидев внука, он закончил разговор и многозначительно положил трубку.

— А, сыщик, проснулся? Доброе утро! — его глаза, обычно строгие, сейчас подергивались веселыми морщинками. — Слышал, наш Бутыркин лишился шедевра. Петрович только что звонил — воры как призраки. Ни следов, ни отпечатков. Полиция, по его словам, в полном ступоре.

— Я... я вчера новости видел, — промямлил Коля, наливая себе чай и стараясь не встречаться с дедом глазами.

— Вот и отлично. Меньше детективов читай — больше жизнью реальной интересуйся. Хотя... — дед отодвинул тарелку и облокотился на стол, глядя на внука с той особой смесью серьезности и иронии, которую Коля знал с детства. — Эта история прямо для тебя. Картина, наследники-аферисты, таинственное исчезновение... Прямо по твоей части.

Коля почувствовал, как уши наливаются жаром. Дед говорил спокойно, но в его тоне слышалось что-то, заставлявшее насторожиться.

— Я... я просто интересуюсь, — пробормотал он.

— Знаю, знаю, — дед махнул рукой. — Ты у нас логик. Но послушай внимательно, — он понизил голос, хотя в квартире кроме них никого не было. — Эта картина — не просто картина. За ней история тянется. Сам Бутыркин был... странным. Гениальным, но странным. И наследник у него — Виктор, кажется, — темная лошадка. Слышал, у него долги, и не маленькие.

Коля сглотнул. Дед говорил именно о том, что они вчера обсуждали с Арчибальдом. Совпадение? Или...

— Ты... ты его знаешь? — осторожно спросил он.

— Видал пару раз, — дед отхлебнул чаю. — После того как Глеб умер, он ко мне приходил — интересовался, не осталось ли у меня каких-нибудь эскизов или набросков. Говорил, хочет полное собрание сделать. А у самого глаза бегают...суетится чего-то... Нет, Коль, тут пахнет чем-то серьезным. Так что руки прочь от этой истории, слышишь? Пусть полиция разбирается. Твоя задача — учиться. И куртку, кстати, больше не терять.

Коля молча кивнул, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Дед слишком много знал — и о картине, и о наследнике, и даже о его куртке. А главное — в его тоне сквозило что-то... предупреждающее.

По дороге в школу Коля чувствовал себя агентом под прикрытием, за которым пристально следят. Обычный двор, знакомые лица, скучная дорога — а за этим фасадом скрывалась тайна, в которую был посвящен только он. И еще двое. Нет, двое с половиной, если считать Арчибальда.

В школе царило необычное оживление. На перемене к нему подошел Вова, его главный поставщик городских сплетен.

— Слышал, картину сперли? — с важным видом начал он. — Мой двоюродный брат в охране работает, так он говорит — там не иначе как призраки постарались. Сигнализация молчала, камеры ослепли!

— Призраки красных коней не воруют, если это конечно, не цыганские призраки, — флегматично заметила подошедшая Маша. — Это работа профессионалов. Экстракласса. — Она отвела Колю в сторону. — Ты принес?

— Принес, — кивнул он, имея в виду фотоальбом.

— Отлично. После уроков ко мне зайдём. У меня есть кое-что для нашего...друга. И кое-что для нас.

Уроки тянулись мучительно долго. На географии Коля, глядя на карту полушарий, мысленно рисовал схему галереи. На литературе, пока класс разбирал «Горе от ума», он составлял психологический портрет неизвестного вора. Учительница даже похвалила его необычайную сосредоточенность, чем вызвала смущенный румянец на его лице.

После занятий они направились к Маше. Ее комната, как всегда, напоминала центр управления полетами. На столе горели три монитора, на полках стояли книги с закладками, а на стене висела подробная схема городских коммуникаций.

— Вот, — Маша протянула Коле увесистый пакет. — Для Арчибальда. Вкусности всякие, котлеты, косточки сахарные. Мама вчера холодец варила. И кое-что особенное. — Она с торжествующим видом извлекла из шкафа темно-синий попон с ярко-жёлтой надписью: «Кинологическая служба. Не отвлекать.»

Коля скептически оглядел одеяние.

— И это сработает?

— Сработает, — уверенно сказала Маша. — Я уже продумала легенду. Мы — юные кинологи из школьного кружка, нас направили для ознакомления с работой профессионалов. А Арчибальд, — она многозначительно посмотрела на попон, — наша лучшая служебная собака.

Пока они шли в гараж, Коля задал вопрос, который он не успел выяснить.

-Маш, зачем ты попросила фотоальбом наш семейный? Какое он имеет отношение к делу?

-Может и ни какого, а может... Посмотрим, в общем. Ты же рассказывал, что с трагедией, связанной с твоими родителями, что-то не так. Я особо не придавала этому значения, списывая на твою паранойю и психологическую травму. Но сейчас многое меняется, так что стоит покопать в этом направлении. Ты разве не согласен?

-Согласен конечно! И... Спасибо тебе Маш, что поверила, помогаешь...

-Не за что, -хихикнула Маша, - я, может, больше себе помогаю. Сам подумай, такая история! С кем еще может такое случится? И ты предлагаешь в стороне остаться? Ну уж нет! -она пихнула его в плечо, -не кисни, Шерлок! Разберемся! Коля улыбнулся.

Через полчаса они вместе были в гараже. Арчибальд встретил их с достоинством, хотя рана еще давала о себе знать.

«А, вот и мои спасители! — прозвучал в голове Коли знакомый мысленный голос. — Надеюсь, сегодняшний обед не будет напоминать ту похлебку, что вы мне вчера предложили? Мои предки, благородные аристократы, в гробу перевернулись бы от такого меню.»

— Не переворачивайся, — ухмыльнулся Коля, разворачивая принесенную еду. — Сегодня котлеты. И косточки на десерт!

«-Ну это же совсем другое дело!» -встрепенулся пёс.

Пока Арчибальд с аристократическим видом уплетал котлеты, Коля достал фотоальбом.

— Вот, принес, как ты просила, — сказал он Маше. — Думаешь, тут может быть что-то полезное про Бутыркиных?

— В старых альбомах часто встречаются неожиданные связи, — пожала плечами Маша. — Давай посмотрим.

Они втроем устроились вокруг альбома. Коля перелистывал страницы, показывая фотографии родителей, их друзей, разные семейные мероприятия. Арчибальд изучал снимки с профессиональным интересом, изредка задавая мысленные вопросы.

Когда альбом был открыт на странице с молодым дедом в военной форме, Арчибальд вдруг замер. Его взгляд стал острым, цепким.

«Погодите-погодите... — мысленный голос прозвучал резко. — Эта фотография... Перстень на руке вашего деда. Неужели...»

Коля поднес альбом ближе. Маша тоже наклонилась, рассматривая снимок.

— Что-то интересное? — спросила она.

Но Арчибальд уже вгляделся в изображение, и по ментальной связи ударила волна такого изумления, что Коля едва не выронил альбом.

«Не может быть... Серебряный Волк... Тот самый символ, что я видел на портсигаре одного из моих похитителей...»

Коля почувствовал, как у него перехватило дыхание. Он не мог объяснить Маше причину своего волнения, но сдержать реакцию было невозможно.

— Что такое? — насторожилась Маша. — Ты какой-то бледный.

— Ничего... — с трудом выговорил Коля. — Просто... вспомнил, как дед рассказывал про эту фотографию.

Арчибальд, опомнившись, мысленно обратился к нему:

«Ваша семья, Коля… Ваш род как-то связан с «Палимпсестом». Это не случайное совпадение. Слишком уж уникален этот символ. Но пока лучше не посвящайте в это юную леди — чем меньше людей знает о моей истинной природе, тем безопаснее для всех.»

Коля кивнул, стараясь прийти в себя. Маша смотрела на него с недоумением, но, видя его состояние, не стала допытываться.

— Ладно, хватит архивов, — сказала она, меняя тему. — Время перевоплощения! — Она с размахом вытащила попон.

Арчибальд смерил одеяние уничижительным взглядом.

«Вы уверены, что в арсенале местных правоохранительных органов нет ничего… более эстетичного? Бордового, например? Или хотя бы темно-зеленого?»

— Бордового не было, — безжалостно констатировала Маша. — Этот самый официальный. И самый дешевый. Придется потерпеть.

Процесс перевоплощения занял несколько минут, в течение которых Арчибальд не переставал мысленно ворчать. Но когда попон был застегнут, а к ошейнику прикреплена мини-камера, даже он умолк. Преображение было поразительным. Перед ними стояла ухоженная, серьезная собака в спецодежде, с взглядом, полным недосягаемого интеллекта и аристократической надменности.

— Ничего, — критически оглядела его Маша. — Сойдет. Главное — веди себя как обычная собака. Никаких ментальных философских трактатов. А то у тебя глаза становятся слишком уж человеческими.

«Полагаю, мне придется ограничиться красноречивым молчанием, — парировал Арчибальд. — Благо, в этом я преуспел.»

Коля взял поводок. Его ладони были чуть влажными, но внутри горел огонь решимости. Они шли не просто расследовать кражу — они искали ответы, которые могли касаться его собственной семьи.

— Пора начинать, — сказал он твердо.

Странная троица вышла из гаража — мальчик с решительным лицом, девочка с рюкзаком техногика и пес в спецодежде, несущий свое достоинство как щит. Впереди была галерея, украденная картина и тени прошлого, которые внезапно стали пугающе реальными.

Глава 6. Первый осмотр

Галерея «Арт-Острогорск» оказалась невысоким зданием из темного кирпича, удивительно скромным для места, где еще вчера должно было сверкать главное культурное событие сезона. Оно пряталось в глубине старого сквера, и его фасад с высокими узкими окнами больше напоминал заброшенную библиотеку, чем храм искусства. Эта самая обыденность, нарушенная лишь переклеенной афишей и желтой лентой с зловещей надписью «МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ», делала произошедшее еще более зловещим.

Коля, сжимая в потной ладони поводок, чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Он шел впереди маленькой процессии, стараясь придать своему лицу выражение официальной важности, какое он видел у полицейских в детективных сериалах. Позади, постукивая каблучками по промерзлому асфальту, шагала Маша с серьезным видом юного технолога, а между ними, волоча лапы и всем видом выражая глубочайшее моральное страдание, ковылял Арчибальд.

«Я надеюсь, вы осознаете всю глубину моего унижения, — мысленный голос пса был похож на шипение протекающего радиатора. — Меня, величайшего сыщика своего времени, тащат на веревке, как циркового пуделя, и заставляют носить это… это тряпье цвета тоски! Я требую компенсации морального ущерба! Хотя бы в виде дополнительной порции тех ваших, надо признать, весьма съедобных котлет».

— Терпи, — сквозь зубы прошипел Коля, подходя к запертой стеклянной двери. — Это всё ради дела.

— И молчи, как рыба, — добавила Маша, нажимая кнопку звонка. — Помни легенду.

Дверь открыл сутулый мужчина в потертой форме охранника, с лицом, на котором годы скуки и ночных дежурств прочертили глубокие борозды. Он лениво окинул их взглядом, задержавшись на Арчибальде.

— Чего надо? Галерея закрыта. Санитарный день.

— Мы из школьного кружка «Юный кинолог», — звонко, без тени сомнения, объявила Маша, вытаскивая из рюкзака стопку распечаток. — У нас практика. Нас направили для ознакомления с работой служебных собак в экстремальных условиях. Вот направление.

Она протянула охраннику листок, на котором было что-то напечатано мелким шрифтом и стояла внушительная печать. Коля, заглянув украдкой, с изумлением прочитал: «Кружок «Юный техник»». Разрешаю проведение опытов с

электромагнитными полями. Руководитель: М. Зимина». Печать, судя по всему, была от старого папиного документа, который Маша когда-то стащила «на всякий случай».

Охранник, который представился как дядя Жора (так и сказал: «а я дядя Жора, будем знакомы»), лениво пробежался глазами по бумаге, пожал плечами и пропустил их внутрь.

— Ходите, только ничего не трогайте. И собаку свою держите, а то тут всё дорогое и ценное, — пробурчал он и побрел к своему посту, где дымился стаканчик с чаем.

Войдя в просторный вестибюль, они замерли. Галерея внутри оказалась гораздо больше, чем казалось снаружи. Высокие потолки, белоснежные стены, по которым сейчас бегали солнечные зайчики. Воздух был густым и неподвижным, пахло пылью, краской и тревогой.

«Ну, что ж, — мысленно вздохнул Арчибальд, окидывая зал критическим взглядом. — Приступим к осмотру театра преступления. Юный друг, будьте моими глазами и ушами. А вы, юная леди, займитесь своими… приборами». Коля перевёл.

Маша уже достала свой планшет и начала неторопливо обходить периметр, якобы «измеряя акустику», а на самом деле сканируя эфир на предмет слабых мест в системе безопасности и сохранившихся сигналов Wi-Fi.

Коля же, ведя Арчибальда на поводке, двинулся вглубь залов. Его взгляд выхватывал детали: пыльные следы от ног на отполированном паркете, сдвинутые со своих мест стулья, оставленные кем-то перчатки на скамейке. Казалось, здесь не крали картину, а эвакуировались при приближении урагана.

«Обратите внимание, — мысленно указал Арчибальд. — Беспорядок. Но беспорядок хаотичный, неструктурированный. Это не следы борьбы или поспешных сборов. Это… суета. Суета растерянных людей».

Они дошли до главного зала. Именно здесь, на дальней стене, должен был висеть «Красный конь в синих тонах». Теперь на его месте зияла пустота, обрамленная золоченой рамой. Рядом на полу валялись обрывки упаковочной пленки и куски скотча. У стены, прислонившись лбом к холодной поверхности, стоял пожилой мужчина в простом рабочем халате. Его плечи безвольно опустились, а руки бессильно висели вдоль тела. Казалось, все жизненные силы покинули его.

«Смотритель, — безошибочно идентифицировал его Арчибальд. — Человек, для которого эта картина была не просто объектом, а частью жизни. Его поза кричит о глубочайшем отчаянии. Подойдите к нему. Спросите… о погоде. О чем угодно. Мне нужно услышать его голос».

Коля, нервно сглотнув, сделал несколько неуверенных шагов вперед.

— Здравствуйте… — начал он. — Мы… мы из кружка…

Смотритель медленно обернулся. Его лицо было бледным и осунувшимся, а глаза, красные от бессонницы, смотрели сквозь Колю, словно мальчик был сделан из стекла.

— Зачем пришли? — его голос был тихим и хриплым, словно простуженным. — Картины уже нет. Украли. Всё кончено.

— Мы… мы просто с собакой тренируемся, — соврал Коля, чувствуя, как краснеет. — В новых условиях… А что, картина была очень большой?

— Два на полтора, — машинально ответил смотритель, снова поворачиваясь к пустой стене. — «Красный конь в синих тонах»… Глеб Михайлович писал его почти год. Говорил, что вложил туда всю свою тоску… А они… они хотели ее продать. Как вещь. Просто вещь…

В его голосе послышались слезы. Коля почувствовал неловкость и отступил.

«Очень показательно, — прокомментировал Арчибальд. — Искреннее горе. Вряд ли этот человек вор. Но он что-то знает. Его отчаяние смешано со страхом. Он боится не только за картину, но и за что-то еще».

В это время из соседнего зала послышались громкие, раздраженные голоса. Коля и Арчибальд замерли, прислушиваясь.

— Я требую немедленно выплатить мне страховку! — кричал чей-то пронзительный, неприятный голос. — Картины нет, а деньги мне нужны! Это не моя вина, что ваша дурацкая сигнализация не сработала!

Из-за угла вышел мужчина в дорогом, но мятом костюме. Его лицо, испещренное морщинами беспокойства и дурных привычек, было искажено злой гримасой. Он размахивал руками перед носом начальника охраны, вышедшего его успокаивать.

«Наследник, — мысленно определил Арчибальд. — Виктор Бутыркин. Обратите внимание на его руки — пальцы нервно перебирают край пиджака, взгляд

бегает, не задерживаясь ни на чем. Классические признаки лжеца и человека, загнанного в угол долгами. Но… слишком уж он криклив. Слишком откровенно демонстрирует свою алчность. Как будто играет роль».

Виктор Бутыркин, заметив детей и собаку, на мгновение смолк, с удивлением уставившись на них.

— А это что еще за цирк? — фыркнул он. — Кто их сюда пустил? Вам тут не место! Убирайтесь!

— Мы… мы практикуемся, — снова попытался объясниться Коля, но наследник уже махнул на него рукой и снова набросился на охранника.

«Не тратьте силы, — остановил его Арчибальд. — Этот человек сейчас не в том состоянии, чтобы давать показания. Лучше осмотрите место, где висела картина. Подойдите ближе».

Коля подвел пса к пустой стене. Арчибальд, сделав вид, что обнюхивает пол, на самом деле водил по нему пристальным взглядом опытного сыщика.

«Любопытно… — прозвучал его мысленный голос. — Очень любопытно… Ни пылинки. Ни соринки. Пол идеально чистый. Слишком чистый для места, где только что снимали большую картину в раме. Здесь мыли полы. Или… подметали. Но не уборщицы — те обычно работают целиком, а не выборочно».

В это время к ним подошла Маша, делая вид, что изучает что-то на своем планшете.

— Что нашел? — тихо спросила она.

— Ничего, — так же тихо ответил Коля. — Слишком чисто.

— У меня тоже, — нахмурилась Маша. — Система «Феникс-5» была не взломана. Ее… отключили. С пульта. Изнутри. И камеры не сломались — их просто выключили в нужный момент по расписанию. Как будто кто-то знал пароли и алгоритмы.

«Преступление, совершённое с помощью ключа, а не лома, — мысленно подытожил Арчибальд. — Самый опасный вид преступления. Значит, у нас есть не вор, а предатель. Кто-то свой».

Вдруг Арчибальд напрягся. Его взгляд упал на небольшой вентиляционный люк под самым потолком, почти незаметный в тени карниза.

«Коля… Попросите юную леди посмотреть, что там. Кажется, я кое-что вижу».

Коля передал просьбу. Маша, достав из рюкзака компактный монокуляр с камерой, навела его на решетку.

— Ничего не видно… Темно… Стоп! — она замерла. — Там что-то блестит. Маленькое… Металлическое.

«Попробуйте сфотографировать с увеличением», — мысленно посоветовал Арчибальд.

Маша щелкнула несколько раз, а затем опустила монокуляр, изучая снимки на экране планшета. Ее глаза расширились.

— Ребята… — прошептала она. — Вы не поверите…

Она повернула экран к Коле. На увеличенном снимке, в паутине за вентиляционной решеткой, ясно виднелась маленькая, изящная запонка. И на ней был вырезан знакомый, леденящий душу символ.

Серебряный Волк.

Коля почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Он посмотрел на Арчибальда. Пес стоял неподвижно, его взгляд был тяжелым и понимающим.

«Они были здесь, — прозвучал в голове Коли тихий, но отчетливый мысленный голос. — Те самые люди. Те, что похитили меня. И теперь они украли картину. Наша охота, кажется, только что стала взаимной».

В этот момент из вестибюля донесся возмущенный крик охранника Жоры:

— Эй, вы там! Кончайте свою возню! Полиция требует, чтобы все посторонние очистили помещение!

Они обменялись быстрыми взглядами. Улика была там, наверху, но достать ее сейчас было невозможно. Они получили гораздо больше, чем расчитывали, и гораздо больше, чем могли бы объяснить.

— Пора уходить, — тихо сказала Маша, пряча планшет. — У нас есть что обсудить.

Коля кивнул, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Они вышли из галереи под неодобрительным взглядом охранника и язвительной усмешкой Виктора Бутыркина. Снаружи, на холодном осеннем воздухе, реальность снова навалилась на них всей своей тяжестью.

Они раскрыли не то, кто украл картину. Они раскрыли, что за кражей стоит нечто гораздо более старое, опасное и личное. И теперь Серебряный Волк, бывший до этого лишь символом из прошлого, обрел плоть и кровь. Он был здесь, в их городе. И он наблюдал за ними.

Глава 7. Круг подозреваемых

Возвращение в гараж после визита в галерею напоминало отступление разведгруппы после глубокого рейда в тыл врага. Только что они находились в эпицентре тайны, где каждый шаг мог быть замечен, каждое слово подслушано. А теперь — знакомый запах машинного масла, пыли и старого дерева, приглушенный свет лампочки под потолком и гнетущее ощущение, что пазл, который они пытались собрать, оказался частью головоломки куда более масштабной и опасной.

Первым нарушил тягостное молчание Арчибальд. Сбросив с себя ненавистный попон, он с отвращением отряхнулся, словно сбрасывая с шерсти не только пыль, но и весь этот день, полный унижений.

«Ну что ж, — прозвучал его мысленный голос, в котором усталость смешивалась с профессиональным азартом. — Поздравляю нас с первым выходом в поле. Мы, как минимум, не были разоблачены, не арестованы и не съедены местными хищниками, если не считать того субъекта в мятом костюме. Теперь, полагаю, настало время для камеральной работы».

— Камеральной? — переспросил Коля, отстегивая поводок.

«Работы в кабинете. Анализа данных. Составления психологических портретов. — Арчибальд с достоинством устроился на своем тряпичном ложе. — Мы принесли с поля образцы, юный друг. Теперь предстоит их исследовать под микроскопом логики».

Маша, тем временем, уже превратила старый деревянный ящик с инструментами в импровизированный командный центр. Ее планшет, подключенный к портативной колонке, был окружен блокнотами, ручками и остатками еды. Она лихорадочно набрасывала на листе бумаги схему.

— Так, — начала она, и в ее голосе зазвенели стальные нотки полевого командира. — У нас есть три ключевых фигуры. Первый — Виктор Бутыркин, наследник. Второй — смотритель, имя пока неизвестно. Третий — загадочный обладатель запонки с Волком. Плюс, возможно, кто-то из охраны, кто имел доступ к системе. Начнем с Бутыркина.

Коля достал свой потертый блокнот, на обложке которого было выведено «ДЕЛО №1. КРАСНЫЙ КОНЬ». Он чувствовал странное волнение — теперь он был не просто мальчиком с блокнотом, а настоящим следователем, ведущим протокол.

— Виктор Бутыркин, — зачитала Маша с экрана, где было открыто его досье. — Возраст 45 лет. Судимость за мошенничество пять лет назад. В данный момент имеет крупные долги: ипотека, кредиты на бизнес, который прогорел... Мотив очевиден. Ему срочно нужны деньги. Продажа картины — единственный выход.

«Слишком очевидно, — мысленно фыркнул Арчибальд. — Кричащая алчность, демонстративное отчаяние... Это похоже на спектакль. Как если бы он намеренно старался выглядеть главным подозреваемым».

— То есть, он может быть не виновен? — уточнил Коля, записывая.

«Я не сказал, что он невиновен. Я сказал, что его поведение театрально. Возможно, он виновен, но не один. Или же он пытается отвести подозрения, играя роль неудачливого и жадного родственника. Его необходимо изучить глубже. Спроси у Маши, что насчет его связей? Деловых, личных?»

-Маш, а что насчёт деловых и личных связей Бутыркина? - Озвучил вопрос Коля.

Маша застучала по клавиатуре.

— Есть... Ого! — ее брови поползли вверх. — Смотрите! Его основной кредитор — «Кронверк-Холдинг». Частная инвестиционная компания. Достаточно крупная.

Услышав это название, Арчибальд резко поднял голову. По ментальной связи Коля почувствовал резкий, холодный укол.

«Кронверк... — его мысленный голос прозвучал тихо, но с такой напряженностью, что стало страшно. — Это же... Я слышал это название. В моих отрывочных воспоминаниях о лаборатории... Это была одна из компаний-подрядчиков «Палимпсеста»!»

-Опять "Палимпсест", -пробормотал Коля. -Совпадение? Не думаю...

В гараже повисла звенящая тишина. Коля смотрел на пса широко раскрытыми глазами. Маша, услышав перевод, резко подняла голову от планшета.

— «Кронверк» был подрядчиком в «Палимпсесте»? — переспросила она, и в ее голосе прозвучала тревога, смешанная с азартом. — Тогда связь очевидна. Это не совпадение. Их интерес к Бутыркину и картине — это часть чего-то большего. Часть той же истории, что и с тобой, — она посмотрела на Арчибальда.

Пес медленно кивнул, и Коля перевел его мысленный ответ:

— Он говорит, что вы правы. «Кронверк» и «Орден Серебряного Волка» — две стороны одной медали. И теперь они проявили интерес к картине, которая каким-то образом связана с моей семьей.

— Значит, мы имеем дело не с простой кражей, — Маша встала и начала расхаживать по гаражу. — А с операцией той же организации, что проводила эксперименты по переселению сознания. И они почему-то заинтересовались именно этой картиной. Возможно, в ней есть что-то, связанное с их исследованиями.

«Вероятно, — мысленно поддержал Арчибальд. — Или же в ней содержится информация, компрометирующая их. Или указание на что-то, что им нужно. Старый Бутыркин мог знать о «Палимпсесте» больше, чем мы думаем».

Коля почувствовал, как у него похолодели пальцы. Все сходилось в одну точку — таинственная организация, переплетение судеб, его семья...

— То есть, — медленно сказал он, — у нас есть могущественная организация, которая имеет отношение и к краже картины, и к тайне Арчибальда. И один из ее членов лично присутствовал на месте преступления. Но зачем? Зачем таким людям красть картину?

«Вопрос на миллион, как говорят в этом веке, — мысленно парировал Арчибальд. — Возможно, картина — не просто картина. Возможно, в ней есть что-то, что нужно «Ордену». Шифр. Указание. То, о чем знал старый Бутыркин и, возможно... — его мысленный взгляд уперся в Колю, — ... знали твои родители... А великий сыщик доктор Хундерквинтель как-то заметил, что совпадения — это пыль, которую Вселенная бросает в глаза дилетантам, чтобы скрыть от них нити истины, — мысленно процитировал Арчибальд. — Так что, продолжаем».

— Следующий — смотритель, — перевела дух Маша. — Иван Петрович Орлов. Работает в галерее более двадцати лет. Был лично знаком с Бутыркиным-художником. Коллеги отзываются о нем как о человеке замкнутом, преданном искусству. Зарплата скромная. Судимостей нет.

«Его психологический портрет, — подключился Арчибальд. — Мужчина на пенсионном возрасте, вся жизнь которого была связана с этим местом. Картина для него — не объект купли-продажи, а живое существо, память о друге. Его отчаяние сегодня было подлинным. Но... он чего-то боялся. Не только за картину. Он боялся кого-то или чего-то. И этот страх был старше сегодняшней кражи».

— Может, он знает о «Кронверке»? — предположил Коля. — Или о Волке?

«Вероятно. Но он не станет говорить добровольно. Его нужно будет осторожно расспросить. Возможно, под предлогом... — Арчибальд мысленно вздохнул. — ... еще одного визита юных кинологов».

Маша скептически хмыкнула.

— Вряд ли он снова купится на эту легенду. Нужен другой повод.

Коля встал и прошелся по гаражу. Его переполняли эмоции. Он чувствовал себя марионеткой в спектакле, сценарий для которого был написан давно, до его рождения.

— Что нам делать? — спросил он, обращаясь больше к самому себе. — Мы не можем пойти в полицию и сказать: «Мы нашли запонку, и за этим стоит тайное общество, а пес-телепат говорит, что это связано с переселением душ».

«Разумеется, нет, — мысленно ответил Арчибальд. — Наша сила — в нашей незаметности. Они охотятся за тенью, а мы и есть тень. Наша тактика должна быть иной. Мы должны заставить их сделать следующий шаг. Выманить».

— Как? — хором спросили Коля и Маша.

«У нас есть кое-что, что представляет для них ценность. Во-первых, сама картина, если мы ее найдем. А во-вторых... — Арчибальд многозначительно посмотрел на Колю. — ... знания твоей семьи. Твой дед что-то знает. Мы должны осторожно выведать у него информацию. Не спрашивая прямо, конечно».

— Дед... — Коля с грохотом сел на стул. — Он и так сегодня утром меня предупреждал. Он что-то подозревает.

— Значит, будем осторожны, — сказала Маша, ее глаза горели азартом. — Мы можем создать легенду. Школьный проект по истории города. Интервью со старожилами. Твой дед — идеальный кандидат.

«Блестяще, — мысленно одобрил Арчибальд. — А пока мы будем заниматься этим, я хочу, чтобы Маша копнула глубже в историю «Кронверка» и «Ордена». Ищем связи, упоминания в старых газетах, в архивных записях. Все, что может пролить свет на их интерес к картине Бутыркина».

— А что насчет Виктора Бутыркина? — не унимался Коля. — Мы просто оставим его?

«О, нет, — мысленный голос Арчибальда стал жестким. — За ним нужно установить слежку. Дисциплинированную, осторожную. Нам нужно знать, с кем он встречается, куда ходит. Особенно после того, как он получит страховку. Деньги имеют свойство притягивать тех, кому они нужны. И если за ним стоит «Кронверк», они обязательно выйдут на связь».

Они продолжали строить планы еще несколько часов. Распределяли роли, прорабатывали легенды, строили гипотезы. Гараж наполнился энергией совместной работы, творчества и тайны. Коля, записывая в блокнот пункты плана, чувствовал, как страх отступает, уступая место решимости. Он был частью команды. Они были тремя против могущественной, невидимой силы. Но они были други у друга, плюс острый ум и отвага, которую не купишь ни за какие деньги.

Когда Коля и Маша, наконец, собрались уходить, гараж погрузился в тишину. Остался лишь Арчибальд, лежавший на своем ложе и смотревший в одну точку. Его мысли были далеко.

«Орден Серебряного Волка... — думал он. — Вы снова активировались. И вы забрали не только картину. Вы забрали мою жизнь. Но теперь у меня есть союзники. И на этот раз я не позволю вам просто исчезнуть во тьме».

Он посмотрел на дверь, за которой скрылись его юные друзья. В его карих глазах, таких старых и таких молодых одновременно, горел огонь охотника, который учуял дичь. Охота только начиналась.

Глава 8. Ночная слежка и тень Волка

Для троицы, собравшейся в гараже кооператива «Факел», холодный осенний вечер был особенным. Он был полон стратегических приготовлений, напоминающих подготовку к спецоперации.

Маша, разложив на ящике с инструментами свой арсенал, выглядела как главный инженер секретной лаборатории.

— Вот, — она с гордостью продемонстрировала два миниатюрных устройства. — Самодельные радиожучки. Дальность действия — полкилометра. Заряда хватит на сорок восемь часов. И вот — направленный микрофон. Собирает звук на расстоянии до ста метров. Прчти музейный экспонат, конечно, но для начала сгодится.

Арчибальд, чья рана почти затянулась, с достоинством наблюдал за приготовлениями, лежа на своем поролоновом матрасе, который Коля с трудом,

но выпросил у деда под предлогом «обустройства уголка для чтения».

«Потрясающе, — мысленно заметил он, наблюдая, как Коля проверяет батарейки в жучках. — В мое время для слежки требовались изящные трости с полыми ручками, специальные монокли и целый штат плащей-невидимок. А сейчас — какие-то коробочки с мигающими лампочками. Прогресс, несомненно, не остановить, но где же романтика?»

— Романтика будет, когда мы поймаем вора, — откликнулся Коля, привычно отвечая на мысленную реплику. Маша, уже привыкшая к таким односторонним диалогам, лишь ухмыльнулась.

— Цель на сегодня, — начала она, как полевой командир. — Виктор Бутыркин. По данным его открытого профиля в соцсетях, он сегодня вечером должен быть в ресторане «Старый город» на встрече с потенциальным «инвестором». Наша задача — установить прослушку на его машину и по возможности подобраться поближе.

— А если он нас заметит? — с некоторой тревогой спросил Коля.

«Если он вас заметит, — мысленно парировал Арчибальд, — то вы просто несмышленые дети, заблудившиеся в темноте. Ваш возраст — лучшая маскировка. Кто поверит, что десятилетние дети ведут слежку?»

— Точно, — подхватила Маша. — Мы — его тень. Невидимые и неслышимые.

Когда сумерки окончательно сгустились, превратившись в плотную ночную завесу, они выдвинулись. Операция «Ночной дозор» началась.

Район, где находился ресторан «Старый город», был старым центром Острогорска. Узкие, кривые улочки, вымощенные брусчаткой, мало освещенные фонарями, создавали идеальную среду для слежки. Они устроились в небольшой арочной нише напротив ресторана, откуда был виден и вход, и припаркованный неподалеку дорогой, но помятый седан Виктора Бутыркина.

Первый час прошел в томительном ожидании. Коля, прижавшись к холодной каменной стене, чувствовал, как нервная дрожь пробегает по его спине. Маша, не отрываясь, смотрела в окуляры мощного бинокля. Арчибальд сидел рядом, его уши были насторожены, а нос постоянно вздрагивал, улавливая малейшие запахи ночного города.

«Ничего не происходит, — наконец не выдержал Коля. — Может, он уже ушел?»

«Терпение, юный друг, — мысленно успокоил его Арчибальд. — Расследование любого преступления, как и хороший чай, не терпит суеты. Наблюдайте. Запоминайте. Вот, например, видите того человека у входа в антикварный магазин?»

Коля присмотрелся. В тени противоположного дома стоял высокий мужчина в длинном плаще, лицо его было скрыто полями шляпы. Он казался совершенно неподвижным.

— Вижу. И что?

«Он стоит там уже сорок три минуты. И за все это время не сделал ни одного движения. Не закурил, не проверил телефон. Это либо невероятно усидчивый любитель архитектуры, либо... профессионал».

В этот момент дверь ресторана открылась, и наружу вышел Виктор Бутыркин. Он был не один. Рядом с ним шел невысокий, коренастый мужчина в отлично сидящем костюме. Его лицо было скрыто в тени, но походка была уверенной и твердой.

— Контакт! — прошептала Маша. — Второй субъект неопознан.

Бутыркин что-то оживленно и почти заискивающе говорил своему спутнику. Они остановились у машины наследника. И в этот момент свет от уличного фонаря упал на руку незнакомца. На его запястье сверкнул массивный браслет с крупным камнем. И на камне был вырезан...

— Волк... — ахнул Коля. — Серебряный Волк!

Он почувствовал, как Арчибальд у него за спиной резко напрягся. По ментальной связи ударила волна такого концентрированного внимания и напряжения, что стало трудно дышать.

«Он... — мысленный голос Арчибальда прозвучал сдавленно. — Это один из них. Я чувствую это. Та же осанка, та же манера держаться... Та же холодная уверенность, что и у тех, кто похитил меня в Лондоне. Они из одного гнезда. Орден не изменился за все эти долгие долгие годы.»

Незнакомец что-то коротко сказал Бутыркину, тот подобострастно закивал, сел в свою машину и уехал. Человек в плаще еще секунду постоял на месте, окинул взглядом улицу — его взгляд скользнул по их укрытию, и Коле показалось, что на мгновение их глаза встретились, — а затем развернулся и быстрыми, уверенными шагами пошел вглубь переулка.

— За ним! — скомандовала Маша, уже срываясь с места.

Они выскочили из своего укрытия и помчались вдоль темной улицы. Арчибальд бежал впереди, его собачье чутье вело их по следу. Незнакомец шел не спеша, но расстояние не сокращалось. Казалось, он не идет, а скользит по мостовой, как призрак.

Они свернули за ним в узкий, темный переулок, где фонари не горели вовсе, и на мгновение потеряли его из виду. В следующее мгновение из темноты перед ними выросла высокая фигура. Это был он. Он стоял, преграждая путь, и его лицо, наконец, было освещено лучом луны, пробивавшимся сквозь разорванные облака. Это было лицо с жесткими, четкими чертами, холодными глазами и тонкими, плотно сжатыми губами. На его лацкане плаща была заколка — Серебряный Волк.

— Дети, — его голос был низким и абсолютно спокойным, без единой нотки удивления или угрозы. — Поздно уже для прогулок. Не находите?

Коля, Маша и Арчибальд замерли. Они попали в ловушку.

— Мы... мы просто... — начал запинаться Коля.

— Я знаю, кто вы, — мягко прервал его незнакомец. Его взгляд скользнул по Колю, затем по Маше и, наконец, на несколько секунд остановился на Арчибальде. В его глазах мелькнуло что-то... узнавание? Интерес? — И я знаю, что вы ищете. Но вы играете в игры, правила которых вам неведомы. И ставки в которых — ваши жизни.

Он сделал шаг вперед. Арчибальд рыкнул — низко, глубоко, по-настоящему зверино. Незнакомец остановился, и на его губе дрогнула тень улыбки.

— Умный зверь, — заметил он. — Цените его. Он... уникален.

За его спиной послышался шум двигателя. К переулку подъехала темная, без опознавательных знаков машина. Незнакомец, не сводя с них холодного взгляда, отступил к ней.

— Передайте привет вашему... деду, — сказал он, глядя прямо на Колю. — Скажите, что Волк помнит о своих щенках.

Дверца машины бесшумно открылась, он сел внутрь, и автомобиль так же бесшумно тронулся с места, растворившись в ночи.

Они стояли в темном переулке, не в силах пошевелиться. Воздух был наполнен ледяным ужасом и тяжестью услышанного.

— Он... он знает про деда, — прошептал Коля, и его голос дрожал. — Он знает про нас. Про тебя, — он посмотрел на Арчибальда.

Пес стоял, ощетинившись, его глаза были прикованы к месту, где исчезла машина.

«Это была не слежка, юный друг, — прозвучал в голове Коли его мысленный голос, и он был полон горькой ясности. — Это было послание. Нам показали, что за нами наблюдают. Что наши действия известны. И что наша охота... была с самого начала игрой, в которой мы — дичь».

Маша, бледная как полотно, наконец, выдохнула:

— Он назвал нас щенками... Щенками Волка. Что это значит?

Коля не ответил. Он смотрел в темноту, и в его ушах звенели слова незнакомца. Он думал о деде. О символе на старой фотографии. О том, что тайна Серебряного Волка была не где-то там, далеко. Она была здесь, в его городе. В его семье. И она только что назвала его по имени.

Они шли обратно к гаражу молча, прижавшись друг к другу. Ночь, которая началась с азартной игры в сыщиков, закончилась холодным прозрением. Они ввязались в войну, о правилах которой не подозревали. А противник в этой войне знал о них гораздо больше, чем они о нем.

Глава 9. Неверный след

Холодная, тягучая тишина впитывала в себя звуки прерывистого дыхания Коли, шуршания куртки Маши, ожесточенного почесывания Арчибальда за ухом — он делал это с таким видом, будто пытался выскрести из памяти образ человека в плаще.

Слова незнакомца висели в воздухе, отзываясь эхом в барабанных перепонках: «Передайте привет вашему деду. Скажите, что Волк помнит о своих щенках».

— Щенки... — наконец прошептала Маша, сжимая в руках свой планшет так, что костяшки пальцев побелели. — Почему «щенки»? Во множественном числе. Он имел в виду нас всех? Или... — она посмотрела на Колю, — твою семью?

Коля молчал. Он сидел на старом автомобильном кресле, вжавшись в него, и смотрел в цементный пол, словно надеялся разглядеть в его трещинах ответы.

Внутри у него все замерло. Не от страха, нет. Страх был острым и горячим, а это чувство было холодным и липким, как желе. Это было осознание того, что огромная, незнакомая машина, о существовании которой он лишь догадывался, вдруг развернулась и направила на него свой бездушный взгляд. И этот взгяд знал его имя. Имя его деда.

«Он пытается посеять панику, — прозвучал в его голове мысленный голос Арчибальда, и он прозвучал на удивление спокойно, почти академично. — Классическая тактика давления. Демонстрация осведомленности с целью парализовать волю противника. Он показал нам, что мы — не анонимные охотники, а объекты наблюдения. Это меняет расклад, но отнюдь не ставит на нас крест».

— Меняет? — срывающимся голосом воскликнул Коля, отвечая на мысли. — Арчи, он знает про деда! Он сказал передать ему привет! Что, если деду грозит опасность?

Арчибальд перестал чесаться и сел, приняв величественную позу. Его собачья морда была невозмутима, но в глазах, таких старых и умных, плескалась буря.

«Если бы Ордену была нужна прямая физическая расправа над твоим дедом, юный друг, она бы уже свершилась. Столь театральное послание — это не объявление войны. Это предупреждение. Или... приглашение к игре. Фраза «щенок Волка» крайне любопытна. Она указывает не на вражду, а на некую... преемственность. Возможно, твой прадед был не жертвой Ордена, а его частью».

— То есть мы... я... уже в игре? С самого рождения? — Коля почувствовал, как у него закружилась голова.

— Стоп! — резко сказала Маша, ее аналитический ум отторгал столь абстрактные и пугающие концепции. — Давайте систематизируем. Факт первый: неизвестный субъект, связанный с символом Волка, знает о нашем расследовании и о нас лично. Факт второй: он знает о существовании деда Коли и предполагает его связь с Орденом. Факт третий: он не предпринял попытки нас нейтрализовать, ограничившись психологической атакой. Вывод: мы для него — пешки на доске, а не

угроза. Пока.

Ее слова, холодные и логичные, подействовали на Колю успокаивающе. Маша всегда умела раскладывать хаос по полочкам.

— Значит, мы продолжаем? — тихо спросил он.

«Безусловно, — мысленно ответил Арчибальд. — Отступление сейчас будет расценено как слабость. Более того, у нас на руках появилась новая карта. Наш противник совершил ошибку, проявив себя. Теперь мы знаем, что Бутыркин — лишь маленькая шестеренка в большом механизме. Наша задача — понять, какую роль он играет, и выйти на следующий уровень».

— Тогда смотрим улики, — Маша оживила экран планшета. — Пока мы бегали за этим Джеймсом Бондом, мои программы не дремали. Финансы Бутыркина — это классический детектив. Он по уши в долгах. И, как мы уже знаем, главный его кредитор... — она сделала паузу, — холдинг «Кронверк-Инвест».

«Кронверк... — мысленно протянул Арчибальд. — Они занимались... перспективными разработками. В том числе, в области энергетики. Очень сомнительными».

— И это еще не все, — продолжала Маша, ее пальцы затанцевали по клавиатуре. — Я провела кросс-анализ его телефонных метаданных и геопозиции. В ночь кражи картины его телефон находился в районе галереи. Более того, за час до срабатывания сигнализации он вышел на связь с номером, зарегистрированным на подставную фирму в офшоре. А трафик с этой фирмы ведет прямиком к серверам «Кронверка». Улики против него железобетонные.

Коля оживился. Адреналин снова заструился по венам, вытесняя оцепенение.

— Значит, все сходится! Бутыркин по указке «Кронверка» украл картину, чтобы списать долг! А этот агент Волка — его куратор! Мы были правы!

Арчибальд испустил мысленный вздох, который был слышен как легкий скептический присвист.

«Слишком уж... монолитно, не находите? Все улики аккуратно сложены в одну кучу, как кирпичики. Финансовые проблемы, телефонные звонки, прямое указание на «Кронверк». Настоящее преступление, особенно столь высокого уровня, обычно окутано туманом, а здесь — кристальная ясность. Это пахнет подставой. Бутыркин — идеальный козел отпущения. Неудачливый, жадный, абсолютно не вызывающий симпатии».

— Но улики-то есть! — настаивала Маша. — Мы не можем их игнорировать. Нам нужен следующий шаг. План.

«План, — мысленно повторил Арчибальд. — Улики указывают на склад на промзоне, куда Бутыркин выезжал на следующий день после кражи. Логично

предположить, что там может быть спрятана картина. Но идти туда в лоб — чистейшее безумие, особенно после ночного представления».

— Значит, нужна легенда, — сказал Коля, в голосе которого снова появилась уверенность. — Мы не можем подкрадываться. Значит, мы должны прийти открыто.

Маша посмотрела на него с интересом.

— И под каким соусом?

— Экскурсия, — выдохнул Коля, сам удивляясь собственной идее. — Школьный проект. «Профессии нашего города». Мы — группа юных журналистов, исследующих логистические центры. Ты, Маша, — оператор и техник. Я — ведущий репортер. А Арчибальд... — он посмотрел на пса, — наш талисман и... служебная собака, проходящая социализацию.

В голове Коли раздался мысленный стон, полкий неподдельного страдания.

«Прошу прощения? Служебная собака, проходящая социализацию? Юный друг, есть границы даже для самопожертвования! Мне, рыцарю логики и наследнику великого рода, притворяться... пушистым терапевтом?»

— Это гениально, — без тени иронии сказала Маша. — Никто не станет подозревать детей на экскурсии. А наличие собаки делает группу безобидной. Арчибальд, это прикрытие — лучшая из возможных ролей. Ты должен будешь просто ходить и выглядеть... мило.

Последнее слово повисло в воздухе, словно вызов. Арчибальд смерил ее взглядом, полным такого ледяного презрения, что, будь он материален, Маша бы мгновенно превратилась в ледышку.

«Мило... — мысленно прорычал он. — Я предпочту, чтобы меня предали анафеме. Однако... — он тяжело вздохнул, и его хвост неохотно качнулся из стороны в сторону, — долг превыше личных амбиций. Я исполню свою роль. Но чтобы вы оба знали: это потребует от меня невероятного, запредельного напряжения всех душевных сил».

Коля едва сдержал улыбку. Кризис был преодолен. Команда снова была в сборе, и у нее появилась цель.

***

Возвращался Коля домой с ощущением, что прошел через мясорубку. Ноги были ватными, веки слипались, но внутри все звенело от пережитого напряжения. Он тихо открыл дверь, надеясь проскользнуть в свою комнату, но в прихожей горел свет.

Дед сидел на табуретке и чистил свои старые армейские ботинки. Делал он это медленно, тщательно, и в ритмичных движениях щетки была какая-то гипнотическая умиротворенность. Он поднял глаза на внука, и его мудрый, внимательный взгляд будто бы снял с Коли верхний слой кожи, обнажив всю усталость и тревогу.

— Ну что, главный инженер? — спокойно спросил дед. — Модель заработала?

Коля замер на пороге. Забытая легенда о «сложной модели корабля» показалась ему сейчас нелепой и хлипкой, как карточный домик.

— Да... вроде... — пробормотал он, отводя взгляд.

— А я тут гречневую кашу сварил, да тушенки открыл, — дед кивком головы указал на кухню. — Думал, мой заправский механик подкрепится. А ее, тушенку-то, кто-то у нас быстро прибирает в последнее время. Четыре банки вчера было — сегодня одна осталась. Не кот ли у нас завелся?

Коля почувствовал, как по его спине побежали мурашки. Дед не просто спрашивал. Он зондировал почву. Он складывал пазл: пропажа еды, ночевки в гараже, усталость внука, его странная отрешенность.

— Нет... я, наверное, сам... — начал Коля, но дед мягко прервал его.

— Ладно, не важно. Иди, умойся. Каша на плите. И, Коля... — он отложил щетку и посмотрел на внука прямо. — Ты знаешь, я в армии служил. И там была такая поговорка: «Чем крепче тыл, тем смелее разведка». Так вот. Тылы у нас крепкие. Всегда. Понял?

Они смотрели друг на друга несколько секунд. В тишине прихожей слова деда прозвучали громче любого крика. Это не был допрос. Это было предложение. Предложение доверия. Дед давал ему понять, что видит, что что-то происходит, но не давит. Он просто напоминал, что за спиной у Коли есть надежный тыл. Его дом.

— Понял, дед, — тихо сказал Коля, и комок в горле растаял, сменившись теплой волной благодарности. — Спасибо.

— Иди, поужинай. — снова взялся за щетку дед. — И сразу спать. Выглядишь, будто всю ночь с атомным реактором возился.

После ужина Коля лег в свою кровать, пахнущую свежестью и геранью с балкона, укрылся старым стеганым одеялом и слушал, как дед негромко перебирает струны гитары в соседней комнате. Это был простой, незамысловатый мотив, но он каким-то невероятным образом отгонял прочь и тень агента Волка, и холодный ужас ночного переулка. Дед был его крепостью. И Коля впервые за долгое время почувствовал себя в полной безопасности.

***

На следующий день, сразу после школы, они приступили к реализации плана. Маша, используя все свои таланты кибер-разведчика, составила официальный запрос от имени школьного медиа-центра на посещение логистического комплекса «Острогорск-Терминал». Коля отрепетировал роль любознательного репортера, заранее заготовив список невинных вопросов о грузообороте и профессии кладовщика.

С Арчибальдом, однако, возникли сложности.

«Я отказываюсь надевать это... это ярмо позора! — мысленно бушевал пес, глядя на поводок с табличкой «Служебная собака-стажер», который Маша принесла из зоомагазина. — Я — вольный дух! Аристократ! Ни за что! Точка!»

— Арчи, без этого нас не пустят, — уговаривал его Коля, уже почти отчаявшись. — Таковы правила. Все собаки должны быть на поводке.

«Правила! — фыркнул Арчибальд. — Эти ваши правила созданы, чтобы унижать тех, кто выше их. Очень хорошо. Я надену эту веревку. Но чтобы вы знали: каждое мгновение в этом ярме будет отнимать у меня год жизни. Я буду стареть прямо на ваших глазах. И моя преждевременная кончина будет на вашей совести».

В конце концов, он с трагическим видом позволил надеть на себя ошейник. Он шел, гордо неся голову, но всем своим видом показывая, что переживает величайшее унижение в обеих своих жизнях.

Логистический комплекс «Острогорск-Терминал» представлял собой огромную, выкрашенную в унылые серо-голубые цвета коробку, окруженную высоким забором с колючей проволокой. Возле проходной их встретил хмурый, невыспавшийся охранник с планшетом.

— Школьники? Экскурсия? — пробурчал он, сверяясь со списком. — Не слыхал про такую. Пропуска есть?

Маша, не моргнув глазом, протянула ему распечатку своего «официального» письма с печатью, которую она нарисовала в графическом редакторе. Коля сиял самой невинной и любознательной улыбкой. Арчибальд, следуя плану, сел и, сделав «жалостливый взгляд», уставился на охранника.

«О, боже... — мысленно простонал он. — Я опускаюсь до уровня уличного попрошайки. Мой предок, сэр Реджинальд фон Хундерквинтель, перевернулся в гробу».

Охранник посмотрел на пса, потом на сияющее лицо Коли, на серьезную Машу с планшетом, пожал плечами.

— Ладно, проходите. Только далеко не ходите. И за собакой смотрите, чтобы ничего не попортила.

Их впустили. Они оказались в царстве бетона, стеллажей и вилочных погрузников. Воздух был густым от запаха машинного масла, пыли и чего-то еще, металлического и чужого. Именно здесь, согласно геоданным, Бутыркин провел почти час в ночь после кражи.

— Ладно, «репортер», — тихо сказала Маша, включая камеру на планшете. — Начинай свой репортаж. Ищем аномалии.

Коля кивнул и, сжимая в руке игрушечный микрофон, направился к ближайшему рабочему.

— Здравствуйте! Мы из школьной газеты «Голос Юности». Не могли бы вы рассказать о своей профессии? Какие грузы чаще всего проходят через ваш терминал?

Пока Коля отвлекал внимание, Маша делала вид, что снимает общие планы, а на самом деле сканировала окружение широкоугольной камерой, ища что-то необычное. Арчибальд, с его обостренными собачьими чувствами, был их главным детектором.

«Здесь пахнет старым деревом, краской и... тревогой, — доносился до Коли его мысленный комментарий. — Но не картиной. Картина, если она здесь, должна быть упакована в специальный климат-контроль. Ищите помещение, которое явно охраняется лучше других, или, наоборот, выглядит заброшенным, но с признаками недавнего посещения».

Они двигались по гигантскому залу, минуя штабеля коробок с бытовой техникой и паллеты с товарами. Ничего подозрительного. Никаких намеков на секретный склад произведений искусства.

И вдруг Арчибальд замер. Его уши настороженно вытянулись вперед, нос задрожал.

«Стоп. Поворачиваем за этот угол. Здесь... другой воздух. Пахнет пылью, но не старой, а осевшей недавно. И есть запах человека. Того самого... Бутыркина. Я запомнил его в ресторане. Нервный, потный, с примесью дешевого одеколона и страха».

Они осторожно заглянули за угол. Там был тупик. И в самом его конце — неприметная, обитая старым железом дверь. На ней висел простой навесной замок, но петли были смазаны и выглядели новыми.

— Камера, — шепотом скомандовала Маша, наводя планшет. — Видишь? Над дверью. Но она... неактивна. Индикатор не горит.

«Слишком неактивна, чтобы быть правдой, — мысленно заметил Арчибальд. — Это классика. Создать видимость заброшенности, чтобы отвадить случайных посетителей».

В этот момент из-за ближайшего стеллажа вышел грузчик в замасленной робе.

— Эй, ребята! Вы куда? Там склад брака, ничего интересного.

— А что за склад? — бойко спросил Коля, поднимая микрофон. — Можете рассказать? Наша тема — утилизация отходов!

Грузчик смущенно почесал затылок.

— Да я не знаю... Мне начальство сказало туда не соваться. Говорят, крысы там бегают.

Он поспешно ретировался. Коля, Маша и Арчибальд переглянулись. Все было ясно. Слишком уж старательная легенда про «брак» и «крыс».

«Он лгал, — холодно констатировал Арчибальд. — И делал это крайне неумело. Его пульс участился, запах пота стал резче. Он знает, что там».

— Значит, картина там, — с торжеством прошептал Коля. — Мы нашли! Мы были правы, Бутыркин — преступник!

Маша медленно кивнула, но в ее глазах читалась тень сомнения.

— Слишком просто. Слишком... очевидно. Как будто нас сюда привели.

«Именно, — мысленно подтвердил Арчибальд. — Это и есть «неверный след». Идеально выложенная тропинка, ведущая прямиком в тупик. Но раз уж мы здесь... нам нужно доказательство. Мы должны узнать, что же на самом деле скрывается за этой дверью».

— Как? — спросил Коля. — Мы не можем ее взломать.

«Взламывать не нужно, — мысленно ответил Арчибальд, и в его тоне вновь появились нотки аристократического превосходства. — Нужно просто подождать. Рано или поздно тот, кому это нужно, эту дверь откроет. А мы будем наблюдать».

Они отошли в тень высоких стеллажей, затаились среди коробок и замерли. Минуты тянулись, превращаясь в часы. Ноги затекали, в ангаре становилось прохладно. Но они ждали. Как настоящие охотники.

И их ожидание было вознаграждено.

Примерно через час к двери, озираясь, подошел тот самый грузчик. Он быстро отодвинул засов — замок, оказалось, был бутафорским — и скрылся внутри, прикрыв дверь. Через несколько минут он вышел, неся в руках небольшую, аккуратную картонную коробку.

— Это не картина, — разочарованно прошептала Маша. — Это что-то другое.

Они пропустили грузчика и, когда он скрылся из виду, снова подошли к двери. Она была приоткрыта.

— Рискнем? — посмотрел на них Коля.

«Просчитаем риск, — мгновенно откликнулся Арчибальд. — Грузчик уже ушел. Помещение, скорее всего, пусто. У нас есть не более пяти минут. Идем».

Они проскользнули внутрь. Комната была маленькой и пустой. Ни картин, ни следов хранения произведений искусства. В центре на полу лежало несколько таких же картонных коробок. Маша, не теряя ни секунды, сфотографировала маркировку на них.

— «ООО «Кронверк-Логистика». Инвентарный номер... — она прочитала цифры. — Это не картины. Это... запчасти. Или электроника.

Коля подошел к одной из коробок и приподнял крышку. Внутри, упакованные в стружку, лежали какие-то непонятные металлические блоки с разъемами и

микросхемами.

— Что это? — растерянно спросил он. - Где картина? И какая связь между нею и этими железяками?

Маша уже вовсю работала, снимая показания портативного спектрометра, который она, на всякий случай, прихватила с собой.

— Подожди... Странно. Здесь есть микрочастицы масляной краски... ультрамарин, охра... и мельчайшие фрагменты старого холста. Такие же, как в пробах, которые я брала с рамы в галерее.

«Превосходное наблюдение, Маша, — мысленно откликнулся Арчибальд, и в его тоне вновь зазвучали нотки живого интереса. — Это означает, что коробки с оборудованием находились в непосредственном контакте с картиной. Или, что более вероятно, картина какое-то время находилась здесь, а затем была перемещена».

— То есть Бутыркин привозил сюда картину? — не понял Коля. — Зачем? Сфотографировать и переправить?

«Не просто привозил, юный друг. Он использовал это место как временную лабораторию. Вспомните: кража была громкой, но идеально чистой. Ни следов, ни свидетелей. Профессионалы. А теперь представьте: чтобы вынести картину из галереи, ее нужно было либо свернуть, что смертельно для красочного слоя, либо... провести через вентиляцию, как мы и предполагали. Но для этого требовалось убедиться, что картина переживет этот путь. И, возможно, не только это».

Арчибальд сделал паузу, его мысленный голос стал тяжелым, как свинец.

«Что, если картина — не просто украденный шедевр? Что, если она — контейнер? Носитель информации, доступной лишь тем, у кого есть ключ? А эти передатчики... — он мысленно «кивнул» в сторону коробок, — это не просто устройства для связи. Это сканеры. Устройства для дистанционного считывания того, что скрыто в самом полотне. Кража картины была не самоцелью. Она была необходима, чтобы получить доступ к тому, что в ней спрятано. А громкое хищение и подставные улики против Бутыркина — дымовая завеса, чтобы скрыть истинную цель: декодирование информации, связанной с «Палимпсестом»».

Коля сглотнул. Теперь картина казалась ему не объектом искусства, а гигантской флеш-картой, хранящей страшные секреты.

— Значит... картина — это шифр? А передатчики — это ключ?

«Мы напали на настоящий след, — мысленно подтвердил Арчибальд. — И он ведет не к банальной краже, а к чему-то неизмеримо более важному. Картина — не сокровище. Она — карта. И мы только что нашли компас для её чтения».

Они стояли в пустой комнате, глядя на коробки с бездушным железом, которое оказалось куда страшнее и загадочнее любой украденной картины. «Неверный след» привел их к новой, куда более глубокой тайне.

Глава 10. Западня в галерее

В центре гаража, на ящике с инструментами, лежали несколько распечатанных Машей фотографий. На них — те самые металлические блоки из коробок на складе.

— Я провела глубокий анализ, — голос Маши звучал устало, но собранно. Она щелкнула указкой по планшету, выведя на экран увеличенное изображение микросхемы. — Это не запчасти и не бытовая электроника. Судя по маркировке и архитектуре, это высокочастотные передатчики с модулем квантового шифрования. Уровень технологий лет на двадцать опережает серийное производство.

Коля сглотнул. Он не до конца понимал все эти термины, но словосочетание «квантовое шифрование» звучало как нечто из фантастического боевика.

— Передатчики? Для чего?

«Для связи, которая не поддается прослушиванию, — мысленно ответил Арчибальд. Он сидел, поджав лапы, и его взгляд был прикован к изображениям с тем же напряжением, с каким когда-то изучал улики на месте преступления в Уайтчепеле. — Но зачем «Кронверку» тайно перевозить такое оборудование через подставное лицо и под прикрытием громкой кражи? Это не логистика. Это... инсталляция».

— Инсталляция? — переспросил Коля.

«Они что-то устанавливают. Создают сеть. Возможно, систему слежения или коммуникации, которую нельзя обнаружить стандартными методами. И галерея... — мысленный голос Арчибальда зазвучал острее, — галерея была лишь первым звеном. Местом, куда первый передатчик был доставлен под шумок кражи. Вспомни, Коля. Вентиляционная шахта. Идеальное место для скрытого монтажа».

Маша резко подняла голову, ее глаза расширились.

— Стоп! Если они установили в галерее передатчик, то... они могли подключиться к городской сети. Или... создать свою, локальную. Но зачем? Что особенного в галерее?

Три пары глаз — две человеческих и одна собачья — встретились в едином озарении.

— Смотритель! — выдохнул Коля. — Иван Петрович Орлов. Он единственный, кто постоянно в галерее. Он знает все ее тайны. Мы его подозревали, но потом решили, что он невиновен...

«Мы решили? — мысленно парировал Арчибальд. — Или нам подбросили эту мысль вместе с уликами против Бутыркина? Мы были так ослеплены «железобетонными» доказательствами против наследника, что отмели старика как второстепенного персонажа. А что, если он — ключевая фигура? Не вор, а... хранитель другой тайны? Тайны, которую «Кронверк» и Орден пытаются у него выведать или которую он сам скрывает?»

— Нам нужно вернуться в галерею, — решительно заявила Маша. — И поговорить с ним. Без легенд и масок. На чистоту.

«Слишком опасно, — мысленно остановил ее Арчибальд. — Если галерея прослушивается, наш разговор будет перехвачен. А если смотритель и правда связан с Орденом, мы сами придем к нему в руки. Нет. Нам нужна новая тактика. Мы должны выманить его из галереи. На нейтральную территорию. И устроить ему... неожиданную встречу».

Коля почувствовал, как холодок пробежал по спине.

— Какую встречу?

«Мы должны заставить его бежать. Испугать. И проследить, куда он побежит. Испуганный человек, как раненый зверь, всегда стремится в свое логово. Или к своему хозяину».

— Это жестоко, — тихо сказала Маша.

«Это необходимо, — мысленный голос прозвучал неумолимо. — Мы играем не в детектив, а в выживание. Орден знает о нас. Они связаны с исчезновением родителей Коли. Я чувствую это костями, которые мне не принадлежат. Мы не можем позволить себе сантименты».

В его тоне была такая непоколебимая уверенность, что спорить было бесполезно. План был принят.

***

Вечер в доме Коли проходил под знаком нарастающей тревоги. Дед был молчалив, но его взгляд, казалось, видел все. За ужином он вдруг спросил, не брал ли Коля его старый полевой бинокль.

— Бинокль? — растерялся Коля. — Нет... а что?

— Да так, — дед отломил кусок хлеба. — Вчера на балконе хотел смотреть на голубей, а он куда-то пропал. Думал, ты для своих... моделей взял.

Коля похолодел. Он действительно брал дедов бинокль для ночной слежки. И забыл его вернуть. Это была еще одна маленькая, но очень звучная нота в симфонии подозрений, которую маэстро-дед уже явно дирижировал.

— Я... я поищу, — пробормотал он, утыкаясь в тарелку с гречневой кашей.

— Ищи, — спокойно сказал дед. — Вещь хорошая, армейская. Жалко будет, если потеряется. — Он помолчал, а потом, словно мимоходом, добавил: — Кстати, завтра у меня встреча с сослуживцами, буду допоздна. Не беспокойся, если к ужину не вернусь. Разогрей себе что-нибудь.

Он сказал это так естественно, что у Коли на мгновение отлегло от сердца. Но потом он поймал на себе взгляд деда — глубокий, пронзительный, полный какого-то скрытого смысла. Это не было простым информированием. Это было... разрешение? Предупреждение? Словно дед говорил: «Я знаю, что ты что-то затеваешь. Я даю тебе поле для маневра. Но будь осторожен».

Коля кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Он чувствовал, как стены его маленького, безопасного мира сжимаются, а за ними открывается бездна большой, взрослой и опасной игры, в которую он ввязался.

***

Вечер снова застал их в засаде. На этот раз не в темном переулке, а в сквере «У Глобуса», напротив освещенного фасада галереи «Арт-Острогорск». План был прост и дерзок. Используя навыки Маши, они должны были вызвать в галерее небольшой, но эффектный переполох — сработавшая противодымная система, ложная тревога, нечто, что заставит всех эвакуироваться и, что важнее, выманит наружу смотрителя.

Маша, укрывшись в тени бронзового Глобуса, с маниакальной сосредоточенностью колдовала над своим планшетом, подключенным к городской сети через три анонимных прокси-сервера.

— Система безопасности галереи — старье, — бормотала она. — Но оно замкнуто на общий пульт охраны района. Минута на взлом... Готово. Запускаю протокол «Фантомный дым».

Внутри галереи, в зале современного искусства, где когда-то висел «Красный конь», раздался резкий, оглушительный вой сирены. Одновременно с потолка начали опускаться белые клубы безобидного театрального дыма. Через секунду главные двери распахнулись, и наружу высыпала кучка перепуганных посетителей и два охранника.

— Где он? — напряженно прошептал Коля, вглядываясь в толпу.

«Ждите, — мысленно скомандовал Арчибальд. — Он не побежит с толпой. Он пойдет своим путем. Он знает здание лучше кого бы то ни было».

И он появился. Не из главного входа, а из узкой боковой калитки, выходившей в служебный переулок. Иван Петрович Орлов. Он был без пальто, в одном жилете, и его лицо, освещенное уличным фонарем, было не просто испуганным. Оно было искажено паникой. Он лихорадочно озирался, сжимая в руках небольшой, потрепанный портфель, и почти бегом двинулся вглубь переулка.

— Пошел! — сдавленно крикнула Маша.

Они рванули за ним, как тени, стараясь не ступать на освещенные участки. Арчибальд бежал впереди, его темная шкура сливалась с ночью, лишь белый кончик хвоста мелькал, как призрачный маячок.

Смотритель вел их по лабиринту старых улочек, петляя и постоянно оглядываясь. Он явно боялся преследования. Наконец, он свернул в арку старого, дореволюционного дома, скрылся в темном подъезде и, судя по звуку, начал подниматься по лестнице.

Троица замерла у входа.

— Что теперь? — спросил Коля. — Ждать?

«Нет, — мысленный голос Арчибальда был тверд. — Мы теряем инициативу. Мы должны знать, что здесь происходит. Осторожно. На цыпочках».

Они вошли в подъезд. Он пах сыростью, капустой и каким-то старьём. Сверху доносились приглушенные шаги. Они полезли наверх, замирая на каждой площадке. Смотритель поднялся на самый верхний этаж. Раздался звук открывающейся и закрывающейся двери.

Они подкрались к двери квартиры №13. Из-за нее не доносилось ни звука. Маша приложила к двери самодельный стетоскоп — длинную трубку с резиновым наконечником. Покачала головой.

— Тишина. Или он сидит, не двигаясь, или... там есть другой выход.

«Или он нас ждет, — мысленно заключил Арчибальд. — Это ловушка. Отступаем».

Но было уже поздно.

Внизу, на первом этаже, с грохотом распахнулась входная дверь. Послышались тяжелые, уверенные шаги. Не один человек. Несколько.

Коля, Маша и Арчибальд прижались к стене в узком пространстве между лестницей и дверью квартиры №13. Бежать было некуда.

Шаги приближались. На площадку ниже вышли двое мужчин в темной, неброской одежде. Они не были похожи на бандитов. Они были похожи на профессионалов. Холодных, собранных и безжалостных. Один из них поднял голову. Его взгляд упал на них, застывших наверху. В его глазах не было ни удивления, ни злобы. Лишь спокойное подтверждение факта.

— Щенки, — произнес он тем же низким, безразличным тоном, что и агент в переулке. — Предсказуемы.

Дверь квартиры №13 позади них бесшумно отворилась. На пороге стоял Иван Петрович Орлов. Но выражение его лица было теперь совершенно иным. Ни страха, ни паники. Лишь глубокая, неизмеримая печаль.

— Проходите, — тихо сказал он. — Вас ждут.

Они оказались в западне. Спереди — безликие солдаты Ордена. Сзади — смотритель, который оказался вовсе не жертвой, а приманкой.

Коля почувствовал, как нос Арчибальда коснулся его ноги. Мысленная связь на мгновение вспыхнула, как молния, передавая не слова, а чистую, концентрированную волну решимости: «Что бы ни случилось, молчи. Не показывай, что понимаешь меня».

Их грубо, но без лишней жестокости, втолкнули в квартиру.

Это была не квартира в привычном понимании. Комната была почти пуста. Ни мебели, ни ковров. На стене висела одна-единственная картина в простой раме — тот самый «Красный конь в синих тонах». Он был здесь. Возможно, все это время.

Но самое странное было в центре комнаты. Там стоял стол, а на нем — знакомый металлический блок, тот самый, что они видели на складе. К нему были подключены провода, ведущие к старому, допотопному монитору. На экране мерцала сложная диаграмма, напоминающая энцефалограмму.

Иван Петрович закрыл дверь и повернулся к ним.

— Простите меня, дети, — его голос дрожал. — Я не хотел... но они пообещали, что оставят вас в покое, если вы придете сюда сами. Они хотели убедиться, что вы... что связь установлена.

— Какая связь? — выдавил из себя Коля.

— Связь с Проектом, — раздался новый голос из глубины комнаты.

Из-за ширмы вышел человек.

Высокий, седой, с лицом ученого и глазами ледяного калькулятора. Он был в белом халате, и в его руке был небольшой сканер, похожий на пистолет.

— Объект П-13, — обратился он к Арчибальду, и в его голосе прозвучало нечто вроде профессионального удовлетворения. — Наконец-то мы вас нашли. И с таким... интересным сопровождением. «Щенок Волка» и юный оператор. Прекрасный образец для изучения феномена симбиоза.

Арчибальд зарычал, скаля зубы. Но седой человек лишь улыбнулся.

— Не тратьте силы. Мы не причиним вам вреда. Мы просто хотим завершить начатое. Проект «Палимпсест» требует... обратной связи.

Он навел сканер на Колю. Тот почувствовал легкое головокружение.

— Что вы делаете?

— Измеряю уровни, — спокойно ответил ученый. — Ментальная связь — это не магия, молодой человек. Это физика. Резонанс. И ваш прадед, кстати, был одним из пионеров в этой области. Он заложил основу. А мы... развиваем его наследие.

Коля смотрел на мерцающий экран, на диаграмму, которая явно реагировала на его присутствие и на присутствие Арчибальда. Он смотрел на украденную картину, висящую в пустой комнате. И на лицо старика-смотрителя, искаженное мукой совести.

И он понял. Они не просто нашли украденную картину. Они нашли лабораторию. А сами стали подопытными кроликами.

Западня захлопнулась.

Глава 11. Исповедь хранителя

Тишина в пустой квартире была гнетущей, нарушаемой лишь тихим гулом оборудования и прерывистым дыханием Ивана Петровича. Ученый в белом халате, представившийся доктором Светловым, медленно обходил их, словно экспонаты на выставке. Его холодный, аналитический взгляд скользнул по Коле, задержался на Маше и, наконец, уставился на Арчибальда с таким жадным интересом, что пес невольно ощетинился.

— Феноменальная стабильность связи, — проговорил доктор, больше думая вслух, чем обращаясь к ним. — При полном отсутствии внешнего интерфейса. Объект П-13, вы превзошли все наши ожидания. А эта... симбиотическая пара... — он кивнул на Колю. — «Щенок Волка» и впрямь оказался не просто метафорой.

— Что вы хотите? — выдохнул Коля, пытаясь скрыть дрожь в голосе. Он чувствовал, как Арчибальд своим боком прижался к его ноге, передавая едва уловимое, но стойкое спокойствие.

— Хотим? — доктор Светлов улыбнулся, и его лицо на мгновение стало почти человеческим. — Мы хотим понять. «Палимпсест» — это не просто переселение сознания. Это ключ к бессмертию разума. Но у каждого ключа есть брак. Вы, П-13, — самый стабильный из всех «сбежавших носителей». А ваш симбиоз с мальчиком... это и есть недостающее звено. Эмоциональный якорь. Стабилизатор.

«Я не объект ваших экспериментов, — мысленно, с ледяной яростью, парировал Арчибальд, и Коля почувствовал, как слова отдаются в его собственном мозгу. — И я не намерен становиться вашим «звеном».»

— Но вы уже им стали, — мягко сказал Светлов, и у Коли похолодело внутри. Ученый не слышал мыслей Арчибальда, но прочитал ответ на лице Коли. — Реакция мальчика — идеальный индикатор. Мы многое поняли, просто наблюдая за вами. А сегодня... сегодня мы получим полный набор данных.

Он кивнул одному из охранников. Тот достал из чемодана устройство, напоминающее шлем с датчиками.

— Нет! — резко шагнул вперед Иван Петрович. Его лицо было серым, как пепел. — Вы обещали! Вы сказали, просто привести их сюда, показать, что мы их контролируем... Вы сказали, что не причините им вреда!

Доктор Светлов повернулся к нему с видом человека, утомленного капризами ребенка.

— Иван Петрович, ваша сентиментальность неуместна. Мы не причиняем вред. Мы изучаем. Или вы предпочитаете, чтобы мы изъяли картину и передали ее в отдел ликвидации? После того, что вы для нее сделали?

Старик смотритель сгорбился, словно от удара. Он отступил, его плечи затряслись. Коля смотрел на него, и кусочки пазла начали складываться в уме. Страх старика. Его мука. Картина, висящая здесь, в пустой квартире, а не в галерее.

Доктор Светлов снова обратился к охраннику.

— Начните с девочки. Ее энцефалограмма будет чистым фоном.

Охранник направился к Маше. Она отшатнулась, прижимая к груди планшет как щит. Коля инстинктивно бросился вперед, чтобы заслонить ее, но второй охранник грубо оттолкнул его.

И в этот момент раздался мысленный крик Арчибальда, такой мощный, что Коля аж зашатался:

«Сейчас! Дверь!»

Дверь в квартиру с грохотом распахнулась. На пороге, залитый светом с лестничной клетки, стоял дед. Николай Петрович. В его руке был массивный армейский фонарь, луч которого ударил прямо в глаза доктору Светлову. Он стоял, широко расставив ноги, и его поза, его взгляд — все кричало о безусловной, неоспоримой власти.

— Поиграли в прятки, доктор? — его голос громыхал, как раскат грома в маленькой комнате. — А теперь — баста. Дети, ко мне.

Охранники замерли в нерешительности. Дед был один, но его авторитет был осязаем, как стена.

Доктор Светлов, щурясь от света, попытался сохранить самообладание.

— Полковник Скворцов… Мы не ожидали… Это частный научный…

— Я сказал, дети — ко мне, — дед перебил его, не повышая тона, но от его слов заложило уши. — А вы, господа, будете любезны объяснить, что делает здесь мой внук и почему вы терроризируете детей.

Коля, Маша и Арчибальд рванулись к деду. Охранники не посмели их остановить. Они встали за его спиной, как за крепостной стеной. Коля вцепился в дедову шинель, и в этот момент он чувствовал себя не сыщиком, а просто маленьким мальчиком, которого только что спасли от чудовища.

Дед не сводил взгляда с Светлова.

— Ваш «Кронверк» слишком уж заинтересовался моей семьей, доктор. Напомните вашему руководству: я еще не настолько стар, чтобы забыть, где зарыты собаки. И какие именно. Убирайтесь. Пока я разрешаю это делать на своих двоих.

Светлов побледнел. Он кивнул охранникам. Те, не говоря ни слова, начали собирать оборудование. Ученый бросил последний взгляд на Арчибальда — взгляд, полный досады и незавершенности.

— Это не конец, полковник, — тихо сказал он. — Проект «Палимпсест» важнее личных обид.

— Для вас — важнее, — отрезал дед. — Для меня — нет.

Когда Светлов и охранники, пятясь, вышли из квартиры, напряжение спало. Дед обернулся, его суровое лицо смягчилось. Он положил тяжелую руку на плечо Коли.

— Цел?

— Цел, дед, — прошептал Коля.

Дед кивнул, затем его взгляд упал на Ивана Петровича. Старик-смотритель стоял на коленях перед картиной «Красный конь», его плечи тряслись от беззвучных рыданий.

— Встань, старик, — неожиданно мягко сказал дед. — И расскажи им. Все. Дети заслужили правду.

***

Они сидели на ящиках в той же пустой квартире. Дед прислонился к косяку двери, наблюдая и слушая. Арчибальд устроился у ног Коли, его ум был насторожен, как радар. Маша, все еще бледная, включила диктофон на планшете.

Иван Петрович Орлов пил воду из пластикового стаканчика дрожащими руками и начал свою исповедь. Его голос был тихим, прерывистым, но постепенно набирал силу.

— Я был его учеником, — начал он. — Андрея Бутыркина. Не того жадного племянника, а настоящего художника. Он был… гением. И визионером. Он не просто писал картины. Он кодировал в них идеи. Символы. Предсказания. Он знал о «Палимпсесте». Не обо всем, конечно. Но он догадывался. Он был знаком с вашим прадедом, Коля. С Петром Скворцовым.

Коля почувствовал, как у него перехватило дыхание.

— Они работали вместе? — не удержался он.

— Нет. Они… спорили. Ваш прадед был ученым, рационалистом. Он верил в прогресс, но боялся его. А Бутыркин был художником, мечтателем. Он видел в «Палимпсесте» не науку, а новое искусство. Новую форму бытия. Они поссорились. И тогда Бутыркин зашифровал все, что знал о проекте, в своих последних работах. В «Красном коне» — главный ключ. Картина — это карта. Карта к месту, где хранятся чертежи и исследования Петра Скворцова. Того, что не успели уничтожить.

«Великолепно, — мысленно прошептал Арчибальд. — Значит, мое последнее дело, кража чертежей «Кронверка», и исчезновение родителей Коли… все это звенья одной цепи».

— «Кронверк» узнал об этом? — спросила Маша.

— Узнал. И решил, что картина должна быть их. Они подослали ко мне того… холодного господина. С волком на портсигаре. Он предложил деньги. Много денег. За содействие в краже. Я отказался. Тогда они пригрозили уничтожить картину. Сжечь ее. Я… не мог этого допустить. Я посвятил ей всю жизнь. Ну и… — он сглотнул ком в горле, — я украл ее сам. Чтобы спасти. Я думал, спрячу, пережду. Но они нашли меня. Они сказали, что оставят картину в покое, если я помогу им… поймать вас. Они знали, что вы придете. Они сказали, что вы… «нестабильный элемент». И что ваш пес — их собственность.

— И вы поверили? — тихо спросил Коля.

— Я был в отчаянии! — всплеснул руками старик. — Они показали мне... документы. Фотографии. Они сказали, что проект «Палимпсест» может спасти тысячи жизней, что ваш пес — ключ к стабилизации, а вы... вы — угроза. Что ваша связь с ним ненадежна и может разрушить все.

«Ложь, — мысленно произнес Арчибальд. — Классическая манипуляция. Они играли на его любви к картине и на его страхе. Они не хотели меня «стабилизировать». Они хотели изучить наш симбиоз, чтобы создать управляемых носителей. Солдат. Шпионов. А картина была приманкой для нас всех».

Дед, молча слушавший, наконец заговорил.

— Теперь понятно, почему они так активны. Они боятся. Боятся, что мы найдем архив моего отца. Он что-то знал. Что-то такое, что могло остановить «Кронверк». И он доверил это Бутыркину. А тот — спрятал в искусстве.

Он подошел к картине, внимательно посмотрел на причудливые синие тени, на тревожный алый цвет коня.

— Где ключ, Иван Петрович? Как прочитать карту?

Смотритель потупился.

— Я не знаю. Андрей не успел мне сказать. Он только успел предупредить: «Ищи глазами Волка». Я не понимал, что это значит. До тех пор, пока не увидел символ на портсигаре того человека. И... на старой фотографии вашей семьи, Коля. Я видел ее в газете, когда писали о пропаже ваших родителей.

В комнате воцарилась тишина. Все кусочки сошлись. Родители Коли, «Палимпсест», картина, семья Скворцовых — все было связано невидимой нитью, сплетенной воедино.

«Глазами Волка... — мысленно повторил Арчибальд. — Это не метафора. Это инструкция. Нам нужно смотреть на картину через призму символа Волка. Возможно, с помощью специального света или фильтра».

— Значит, картина должна вернуться в галерею, — сказала Маша. — Но теперь мы знаем, что там установлены их передатчики. Они будут следить.

— Пусть следят, — неожиданно улыбнулся дед. — Теперь за ними будем следить мы. У нас есть преимущество. Мы знаем об их слежке.

Он посмотрел на Колю, на Машу, на Арчибальда. Его взгляд был серьезным, но в нем горела искра одобрения.

— Вы ввязались в большую игру, дети. Больше, чем я думал. Но отступать некуда. Готовы продолжить?

Коля обменялся взглядами с Машей. Он почувствовал, как Арчибальд мысленно посылает ему короткий, ясный импульс: «Вперед».

— Готовы, — твердо сказал Коля.

Дед кивнул, его взгляд скользнул с Коли на Арчибальда и задержался на нем. В его глазах не было ни удивления, ни страха, лишь твердая решимость и какая-то странная, почти отцовская нежность.

— Тогда слушайте мой приказ, — сказал он, и в его голосе снова зазвучали полковничьи нотки. — Война войной, а дом — крепость. И в крепости не должно быть раскола между гарнизоном. — Он сделал паузу, глядя прямо на Арчибальда. — Сэр Арчибальд, я, конечно, не викторианский аристократ, но у меня есть дом. И в этом доме всегда найдется место для друга моего внука. Тем более для такого... уникального специалиста. С сегодняшнего дня ваш пост — не в холодном гараже, а в теплой квартире. Рядом с Колей. На легальном положении.

Коля замер, не веря своим ушам. Он посмотрел на Арчибальда и увидел, что тот тоже застыл, его уши настороженно вытянулись, а хвост на мгновение замер в нерешительности.

«Я... я не знаю, что сказать, полковник, — мысленно произнес Арчибальд, и его мысленный голос прозвучал необычно смущенно. — Это весьма... великодушно с вашей стороны. Но моя персона... я могу принести неприятности.»

— Неприятности уже пришли, — парировал дед, после того, как Коля озвучил ему слова Арчибальда. — И мы будем встречать их вместе. Вчетвером. — Он обвел взглядом Колю, Машу и Арчибальда. — Как семья. И как команда. Так что собирайте свои вещи, «объект П-13». С сегодняшнего дня вы — не беглый эксперимент. Вы — член семьи Скворцовых. И ваш гаражный период окончен.

Он протянул руку, как бы приглашая пса следовать за ним. Арчибальд медленно поднялся, его хвост сначала вилял неуверенно, а потом все увереннее. Он подошел к деду и коснулся его ладони своим влажным носом — что-то вроде собачьего рукопожатия.

— Благодарю вас, полковник, — мысленно сказал он, и Коля почувствовал, как в его голосе пробивается давно забытое облегчение и благодарность. — Я с честью приму ваше предложение.

— Отлично, — дед повернулся к выходу. — Тогда пошли домой. У меня как раз осталась тушенка. И, кажется, пора купить еще одну миску. С надписью «Сэр».

Уголок пасти Арчибальда дрогнул в подобии улыбки.

«Фарфоровую, я надеюсь?»

Дед фыркнул.

— Посмотрим. Для начала — эмалированную. Армейскую. Как у меня.

И они пошли — полковник, сыщик, техник и пес. Из темноты подполья — в свет дома. Из тайны — к правде. Война с Орденом только начиналась, но теперь они сражались на своем поле. И с крепким тылом.

Глава 12. Глазами Волка

Торжественная церемония возвращения «Красного коня» в галерею «Арт-Острогорск» стала событием городского масштаба. Ровно в полдень у входа в отреставрированный особняк собрался цвет Острогорска: журналисты, чиновники, искусствоведы и просто горожане, следившие за детективной историей с кражей.

Коля, Маша и дед стояли немного в стороне, наблюдая за происходящим. Арчибальд, облаченный в новый темно-синий ошейник, восседал рядом, испытывая смешанные чувства от столпотворения.

«Публичное признание — необходимый ритуал для успокоения толпы, — мысленно заметил он, наблюдая, как мэр произносит пламенную речь о торжестве справедливости. — Хотя, с эстетической точки зрения, этот пафос несколько избыточен.»

— Зато теперь картина на своем месте, — тихо сказал Коля, отвечая на мысли. — И она в безопасности.

Официальная версия, которую озвучили СМИ, была изящной и правдоподобной: картина была похищена по заказу международной преступной группы, но бдительность сотрудников галереи и помощь юных добровольцев помогли вернуть шедевр. Истинная роль Виктора Бутыркина и «Кронверка» в этой истории осталась за кадром — слишком могущественны были силы, стоящие за

ними.

Настоящим героем дня стал Иван Петрович Орлов. Именно ему, как старшему хранителю, выпала честь снять белое покрывало с возвращенного полотна. Когда ткань упала, и «Красный конь» предстал перед публикой во всей своей тревожной красоте, раздались аплодисменты. Старый смотритель стоял, выпрямившись, и по его морщинистым щекам текли слезы. На этот раз — слезы облегчения и гордости.

— Видишь? — шепнула Маша, подойдя к Коле. — Он теперь не просто сторож. Он — хранитель легенды. И все это знают.

Картина заняла свое законное место в главном зале, теперь под усиленной охраной и с новейшей системой климат-контроля. Но для троицы, стоявшей в толпе, и для деда, молча наблюдавшего за всем с хитрой усмешкой, «Красный конь» был теперь не просто шедевром. Он был картой. И ключ к этой карте лежал в кармане у Коли.

***

Переезд Арчибальда из гаража в квартиру Скворцовых, последовавший сразу после церемонии, прошел с почти военной точностью, но сопровождался комичными моментами, которые заставляли Колю забывать о грозящей опасности.

— Не налезает, — констатировала Маша, наблюдая, как Арчибальд с достоинством, но безуспешно пытается втиснуться в замысловатый домик для собак, который дед принес с балкона. — Ваш питомец, кажется, не соответствует стандартным габаритам.

«Питомец? — мысленно возмутился Арчибальд, отступая от домика с видом оскорбленного достоинства. — Я предпочитаю термин «квартирант» или, на худой конец, «гость». И я не намерен ютиться в этой... конуре, напоминающей склеп для среднестатистического пёсика.»

Дед, скрыв улыбку, отодвинул домик в сторону.

— Ладно, консервацию снимаем. Будешь спать на кухне, на старом коврике. Как сторожевой пес.

«Сторожевой... — мысленно повторил Арчибальд, и Коля уловил в его тоне нотки одобрения. — Это уже нечто более достойное. Согласен.»

Устроив быт, они собрались на кухне. Центром оперативного штаба стал обеденный стол, заваленный теперь распечатками, картами и дедовыми старыми блокнотами. Арчибальд лежал на своем новом коврике, внимательно следя за происходящим, его хвост время от времени взметался, словно отмечая важные моменты.

— Итак, подсказка: «Ищи глазами Волка», — начал дед, достав из старого сундука коробку с семейными реликвиями. — Мой отец, Петр Скворцов, оставил после себя не только фотографии. — Он осторожно положил на стол потрепанный дневник в кожаном переплете и небольшой черный камень с вырезанным на нем тем самым символом — Серебряным Волком.

— Это обсидиан, — пояснил дед. — Вулканическое стекло. Отец говорил, что оно обладает особыми свойствами. Пропускает свет определенным образом.

Маша тут же схватила камень и поднесла к лампе.

— Призма! Он преломляет свет! — воскликнула она. — Если посмотреть через него на картину...

— ...мы увидим то, что не видно невооруженным глазом, — закончил Коля, и у него загорелись глаза.

«Логично, — мысленно отметил Арчибальд. — Символ Волка — не просто опознавательный знак. Это инструмент. Ключ, как я и предполагал.»

— Но картина в галерее под охраной, — напомнила Маша. — И под наблюдением «Кронверка».

— Значит, нам нужен официальный повод, — сказал дед. — У меня есть друг, искусствовед. Он может организовать частный осмотр для «юных дарований», интересующихся творчеством Бутыркина. Под предлогом подготовки школьного проекта. А я буду сопровождающим. — Он посмотрел на Арчибальда. — И своего рода «служебной собакой», обеспечивающей безопасность.

Мысленный вздох Арчибальда был слышен всем.

«Опять эта унизительная роль... Однако, если это необходимо для дела...»

***

На следующий день они подъехали к галерее на дедовой старой «Волге». Друг деда, седовласый, энергичный мужчина по имени Виктор Семенович, уже ждал их у входа.

— Николай Петрович! Какими судьбами? И с целой делегацией! — он радушно похлопал деда по плечу, затем окинул взглядом Колю, Машу и Арчибальда. — Ну что ж, проходите. Сегодня галерея закрыта, она в полном вашем распоряжении. Можете спокойно изучать шедевр.

Они вошли в пустой, залитый мягким светом зал. «Красный конь» висел на своем месте, сияя под стеклом, как и положено национальному достоянию. Приближаясь к картине, Коля чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Они были так близки к разгадке.

Пока Виктор Семенович отвлекся, рассказывая деду о технике мазка Бутыркина, Маша установила на свой планшет портативный глушитель, чтобы блокировать возможные передатчики «Кронверка». Коля же, дрожащими пальцами, достал обсидиановый амулет.

— Ну же, — прошептал он, поднося камень к глазу и направляя его на картину.

Сначала он увидел лишь размытые цветные пятна. Но потом, когда он поймал нужный угол и свет, изображение начало меняться. Яркие краски «Красного коня» поблекли, сквозь них проступили тонкие, почти невидимые линии — чертежи, схемы, географические координаты и... фрагменты текста.

— Вот оно... — ахнул Коля. — Здесь... карта Острогорска. И какие-то пометки.

«Давайте быстрее, юный друг, — подал мысленный голос Арчибальд, стоявший на страже у входа в зал. — Наш искусствовед заканчивает свой монолог.»

Маша, не теряя ни секунды, сделала серию снимков картины через камень на специальную камеру с ультрафиолетовым фильтром. Изображение считывалось и сохранялось на планшете.

— Есть! — она показала Коле экран. — Увеличиваю... Координаты указывают на старый бункер в районе Заречья. Тот, что от старой системы ПВО. И там есть надпись: «Архив П.С. Передано на хранение А.Б.»

— Петр Скворцов и Андрей Бутыркин, — прошептал Коля. — Мы нашли!

В этот момент Арчибальд резко насторожился и тихо рыкнул.

«К нам идут. Не искусствовед.»

Дверь в зал распахнулась. На пороге стоял тот самый агент Волка, человек в плаще. На его лице играла холодная улыбка.

— Прекрасная работа, щенки, — сказал он. — Вы сэкономили нам немало времени. Теперь, будьте добры, передайте камень и все данные.

Дед шагнул вперед, заслонив детей.

— Проходите мимо, — его голос не оставлял пространства для возражений.

Агент усмехнулся.

— Полковник, не будьте наивны. — Он кивнул, и из-за его спины вышли двое охранников. — Мы заберем то, что нам нужно. Мирно или нет.

Ситуация была патовая. Они были в ловушке.

И тут раздался громкий, властный лай Арчибальда. Но это был не просто лай. Это был сигнал.

Из-за спины агента Волка послышался возмущенный голос Виктора Семеновича:

— Что здесь происходит? Это частный просмотр! Я вызываю полицию!

Агент на мгновение замешкался. Этой секунды хватило.

«Коля! План «Б»!» — мысленно скомандовал Арчибальд.

Коля рванулся вглубь зала, к пожарному щиту. Он разбил стекло и нажал на кнопку ручного пуска противодымной системы. Зал мгновенно заполнился белым театральным дымом, таким же, как в их первой операции.

— Бежим! — крикнул дед, хватая Колю и Машу за руки.

В хаосе и густом тумане они проскочили мимо растерявшихся охранников и агента. Арчибальд бежал впереди, его собачье чутье вело их к запасному выходу, который они изучили по планам Маши.

Выскочив на улицу, влетели в поджидавшую их «Волгу». Дед завел мотор, и машина рванула с места, оставив позади орущую сирену и суматоху у галереи.

— Едем в Заречье? — спросила Маша, все еще дрожа от адреналина.

— Нет, — твердо сказал дед, сворачивая в сторону дома. — Сначала домой. Они теперь знают, что мы расшифровали карту. Они будут следовать за нами. Нам нужен настоящий план, а не геройство.

Коля смотрел в окно на пролетающие улицы города. Он сжимал в кармане обсидиановый амулет. Они были так близки. Они нашли ключ. Но теперь

предстояло самое сложное — воспользоваться им, не попав в западню.

Дома, за столом, они разложили расшифрованные данные. На экране планшета четко виделася схема старого бункера и пометка: «Хранилище 7-Б. Защита: биометрика С.».

— Биометрика... — задумчиво произнес дед. — Значит, нужен отпечаток или... сканер сетчатки. Чей? Скворцова? Но его уже нет в живых.

«Или того, кто имеет с ним прямое родство, — мысленно предположил Арчибальд. — Ваш, Коля. Или ваш, полковник.»

Они смотрели на карту, на заветную точку в Заречье. Они знали, где спрятана правда. Правда о «Палимпсесте», о родителях Коли, о наследии Волка.

Но между ними и этой правдой стояла вся мощь Ордена. Игра входила в свою решающую стадию. И следующая партия должна была быть сыграна без права на ошибку.

Глава 13. Тяжелый выбор

План, который созрел на кухне у Скворцовых к утру, был настолько рискованным, что даже Арчибальд, мысленно ознакомившись с ним, испустил нечто вроде интеллектуального стона.

«Позвольте уточнить, — мысленно произнес он, сидя в позе сфинкса на своем коврике. — Наш гениальный замысел заключается в том, чтобы открыто пойти в логово врага, зная, что оно заминировано, закупорено и прицельно на нас наведено? Блестяще. Напоминает тактику лобовой атаки кавалерии времен Крымской войны. Эффектно, но чревато неоправданными потерями.»

— У нас нет выбора, — парировал дед, то ли угадав суть возражений, то ли просто отвечая на общий скепсис. — Они ждут, что мы будем подкрадываться ночью, как мыши. А мы придем днем. В полный рост. С документами.

— С какими документами? — удивилась Маша.

— С моими, — дед достал из стола удостоверение ветерана и служебный пропуск старого образца. — Я как ветеран и бывший сотрудник оборонной системы имею право на инспекцию законсервированных объектов гражданской обороны. А вы — мои юные помощники, волонтеры, проводящие патриотическую акцию по уборке территории. — Он хитро подмигнул. — А собака — для моральной поддержки.

«Волонтеры... — мысленно вздохнул Арчибальд. — От сыщиков до дворников. Какая головокружительная карьера.»

Но спорить было бесполезно. План, при всей его авантюрности, был единственным, что оставляло им пространство для маневра.

***

Заречье встретило их гнетущей тишиной заброшенного района. Старый бункер ПВО, заросший бурьяном и обнесенный ржавым забором, выглядел как гигантская могила. Деду пришлось потратить двадцать минут на уговоры и демонстрацию документов хмурому вахтеру, чтобы тот, наконец, пропустил их на территорию.

— Только смотрите, чтобы собака ничего не испортила! — крикнул им вдогонку вахтер. — И далеко не ходите, там все заколочено!

«-Почему все думают, что я могу, или хочу что-то испортить? Последнее время я слышу это постоянно!» - Недовольно проворчал Арчибальд, оглядываясь на вахтера.

Как только они скрылись из виду, Маша достала планшет.

— Сканер показывает несколько активных передатчиков на периметре. Они здесь. Следят.

— Идут за нами, — тихо сказал Коля, почувствовав, как Арчибальд мысленно сигнализирует ему о двух фигурах, крадущихся за ними в отдалении.

«Солдаты Ордена, — мысленно идентифицировал Арчибальд. — Не самые главные, но и не последние. Пешки. Их задача — наблюдать и докладывать.»

— Игнорируем, — спокойно скомандовал дед. — Работаем по плану.

Они подошли к массивной, покрытой ржавчиной двери, ведущей в подземную часть бункера. На ней висел здоровенный амбарный замок, но дед, к удивлению Коли, достал связку ключей.

— Отец оставил, — коротко объяснил он, подбирая нужный. — Говорил, когда-нибудь пригодится.

Заскрежетав, замок поддался. Дверь с трудом отъехала в сторону, открывая черный провал вглубь земли. Воздух потянулся холодный, пахнущий сыростью и озоном.

Внутри было темно. Фонари выхватывали из мрака коридоры, заваленные хламом, и ржавые таблички с номерами помещений. Они двигались по схеме, которую расшифровали с картины.

— Седьмой коридор, ответвление Б, — направляла их Маша, сверяясь с планшетом. — Вот здесь.

Перед ними была еще одна дверь, но уже современная, стальная, без видимых замков. Рядом с ней — небольшой экран и окошко для сканирования сетчатки.

— Биометрика, — прошептал Коля. — Чью?

— Проверим, — дед подошел к сканеру и приложил к окошку свой глаз.

Раздался резкий, неприятный звук. Красный свет.

«Отказ доступа.»

— Теперь ты, — дед посмотрел на Колю.

Сердце Коли бешено колотилось. Он подошел, встал на цыпочки и приник глазом к холодному стеклу.

Прошла вечность. Раздался мягкий щелчок. Зазеленела лампочка.

«Доступ разрешен. Добро пожаловать, наследник.»

Дверь бесшумно отъехала в сторону. Они вошли.

Комната была небольшой, стерильно чистой, и это резко контрастировало с окружающим запустением. В центре стоял стальной стол, на нем — ноутбук старой модели и стопка папок с пожелтевшими листами. На стене висел портрет сурового мужчины в очках — Петр Скворцов, прадед Коли. А рядом — фотография молодых людей, которые улыбались, обнявшись. Коля узнал их сразу. Мама и папа.

— Архив... — выдохнул он.

«Скорее, святилище, — мысленно поправил Арчибальд, обходя комнату. — Здесь не просто хранятся документы. Здесь хранится память.»

Маша уже вскрыла ноутбук. Пароль, как оказалось, был прост — дата рождения Коли.

На экране открылись сотни файлов. Чертежи, формулы, отчеты об экспериментах... и дневниковые записи.

— «Проект «Палимпсест» — это не военная разработка, — прочитал вслух Коля, склонившись над одной из записей прадеда. — Это попытка спасти великие умы от гибели. Но «Кронверк» извратил идею. Они хотят создавать солдат. Убийц. Я должен остановить это.»

— Смотрите, — Маша открыла файл с пометкой «Семья». — Здесь о ваших родителях, Коля. Они… они не погибли. Они были похищены. Потому что узнали правду о «Палимпсесте». Они пытались остановить «Кронверк»… и стали для них угрозой.

Коля смотрел на улыбающиеся лица родителей. Они не погибли. Они похищены. Возможно, в плену. Эти слова отзывались в нем гулким эхом. Официальная версия, которую он все эти годы носил в себе как приговор, оказалась ложью. Теперь на смену горю пришло нечто иное — яростная, жгучая неизвестность. Но и надежда тоже. Что с ними? Где они? Живы ли? Архив не давал ответа, лишь бесконечно умножая вопросы.

В этот момент снаружи донесся шум. Голоса. Шаги.

— Они идут, — сказал дед, — Маша, сбрасывай все данные на внешний диск. Быстро!

«Слишком поздно, — мысленно констатировал Арчибальд. — Их слишком много. Мы не сможем прорваться с диском.»

— Тогда… тогда мы уничтожим архив! — решительно заявил Коля. — Нельзя, чтобы это попало к ним!

Он посмотрел на деда. Тот смотрел на него с серьезным, взрослым выражением лица.

— Ты прав, — тихо сказал дед. — Но подумай, Коля. Уничтожив это, мы уничтожаем и единственную зацепку, которая может привести нас к разгадке тайны исчезновения твоих родителей. И единственное доказательство преступлений «Кронверка».

Коля замер. Перед ним стоял невыносимый выбор. Спасти правду, рискуя тем, что она попадет в руки врага? Или уничтожить ее, похоронив надежду и доказательства?

Шаги за дверью становились все громче. Слышны были уже отдельные команды.

«Коля, — мысленно обратился к нему Арчибальд, и его голос был удивительно спокоен. — Быть джентльменом — значит следовать духу, а не букве закона. А

дух требует, чтобы мы боролись. Даже если шансы ничтожны. Мы не можем уничтожить правду. Мы должны ее защитить.»

Коля глубоко вздохнул. Он посмотрел на фотографию родителей. Они не сдались. И он не сдастся.

— Маша, сбрасывай все, что можешь, на облако! На все свои защищенные серверы! А оригинал... — он схватил стопку папок и сунул их под куртку, — оригинал мы попробуем вынести.

Дед кивнул, его глаза горели.

— Правильное решение. Теперь слушаем меня. План отхода...

Дверь в помещение с грохотом распахнулась. На пороге стоял доктор Светлов в сопровождении четырех охранников.

— Игра окончена, дети, — произнес он. — Передайте мне архив.

Дед шагнул вперед, прикрывая их.

— Игра, доктор, только начинается.

И в этот самый момент Арчибальд, действуя на опережение, с громким лаем рванулся вперед, не для того чтобы кусать, а чтобы создать панику. Охранники инстинктивно отпрянули, на секунду потеряв строй.

— Назад! — скомандовал дед, отталкивая Колю и Машу вглубь помещения. Его взгляд метнулся по сторонам и остановился на неприметной, обитой сталью двери в дальнем углу, почти сливавшейся со стеной. — Туда!

Они влетели в крошечное, похожее на сейф помещение — вероятно, старая комната для хранения особо ценных носителей. Дед с силой захлопнул дверь, и тяжелый механический замок с щелчком защелкнулся изнутри. В следующую же секунду снаружи раздались яростные удары.

— Открывайте! — послышался голос доктора Светлова, уже без тени учтивости. — Вы в ловушке! Вам некуда деваться!

Металлическая дверь задрожала от нового удара — явно использовали таран или лом.

— Дверь крепкая, но ненадолго, — мрачно констатировал дед, прислонившись к ней плечом, будто мог удержать ее силой.

Коля вжался в стену, прижимая к груди папки. Они были в западне. Совершенной и беспросветной. Воздух в тесной каморке стал густым и спертым.

Именно тогда раздался мысленный голос Арчибальда, странно спокойный и деловитый:

«Не спешите паниковать. Обратите внимание на пол.»

Маша, дрожащими руками, направила фонарь на бетонный пол. В толстом слое пыли явно виднелись широкие, дугообразные полосы, ведущие к массивному металлическому шкафу, встроенному в стену.

«Эти следы, — мысленно продолжил Арчибальд, — говорят о том, что этот монстр не раз сдвигался с места. И не для того, чтобы доставать архивные папки. Скорее всего, это не шкаф. Это дверь.»

Снаружи удары участились. Послышался скрежет металла — замок начал поддаваться.

— У них есть болторез! — крикнула Маша, глядя на показания датчика вибрации на своем планшете.

Дед бросился к шкафу. Он был невероятно тяжелым. Коля присоединился к нему, отбросив папки. Они уперлись плечами, но махина не двигалась с места.

«Не сила, а ум, — мысленно остановил их Арчибальд. — Ищите механизм. Скрытую защелку.»

Его проницательный взгляд скользил по стыкам и кромкам. И вдруг он ткнулся носом в почти невидимую, утопленную в металл кнопку, замаскированную под заклепку. Раздался тихий щелчок.

— Отходите! — скомандовал дед.

Шкаф с глухим скрежетом отъехал в сторону на несколько сантиметров, открывая узкую, темную щель в стене. Оттуда пахнуло холодным, затхлым воздухом старого подземелья.

— Тоннель! — выдохнул Коля.

В этот момент снаружи раздался оглушительный грохот — основной замок двери не выдержал. Дверь с визгом откинулась внутрь, и в проеме показалась фигура охранника с ломом.

Но было поздно. Дед пропустил вперед Машу и Колю, сам нырнул в щель последним, успев перед этим с силой толкнуть шкаф назад. Механизм, со скрипом, но послушался, задвигая проход.

Последнее, что они услышали снаружи, был яростный, почти звериный крик доктора Светлова: «Найдите их! Они не могли далеко уйти!»

Но они уже уходили. По узкому, сырому тоннелю, едва освещаемому дрожащим светом фонаря Маши. Они проиграли этот раунд, не сумев сохранить архив в тайне. Но они выиграли главное — они сохранили надежду, доказательства и свою свободу.

Теперь у них было то, за что можно было бороться. У них появилась надежда, что, возможно родители Коли живы. А это значило, что борьба только начинается. И они не остановятся, пока не найдут их и не остановят «Кронверк».

Они бежали по лабиринту темных тоннелей, но теперь у них был огонь в сердце и четкая цель. Они бежали не просто спасаясь. Они бежали за будущее.

Глава 14. Триумф и тень

Жизнь в квартире Скворцовых обрела новую, странную рутину, в которой смешались обыденность и постоянная готовность к бою. Утро начиналось не только с запаха дедовой кулинарии, но и с тихого жужжания сервера, который Маша установила в комнате Коли для шифрованного обмена данными.

Тревога была новым, едва уловимым запахом, вплетавшимся в привычную домашнюю ауру, как посторонняя нота в знакомом аккорде. Она исходила от разложенных на обеденном столе карт и распечаток, и от самого их нового распорядка жизни.

У деда появилась новая привычка. Теперь, помешивая кашу, он одним глазом смотрел в окно, отмечая каждую проехавшую машину, каждого прохожего. Коля, проснувшись утром, первым делом проверял, нет ли новых сообщений в зашифрованном чате от Маши, а затем шел в гостиную, где на дедовом кресле, свернувшись калачиком и положив морду на лапы, спал Арчибальд. Арчибальд, к своему удовольствию, обнаружил, что быть «легальным» питомцем имеет свои преимущества. Дед регулярно подкладывал ему в миску кусочки тушенки, ворча что-то вроде: «Подкрепись, боец. Нам еще предстоит сражение за кресло, которое ты, я смотрю, облюбовал».

«Я не облюбовал, я просто допускаю его существование в качестве места для короткой сиесты, — мысленно поправлял он, удобно устроившись в кресле. — И

тушенка, должен признать, вполне съедобна. Для армейских консервов. И вообще, смею заметить, что ваш храп нарушает гармонию вселенной!»

— Я не храплю, — вдруг говорил дед, и Коля вздрагивал. — Я проветриваю легкие. По-армейски.

Это была их новая игра. Дед, казалось, развил в себе почти собачье чутье на односторонние диалоги внука с псом. Он никогда не слышал мыслей Арчибальда, но всегда угадывал их суть по малейшему изменению в выражении лица Коли.

За завтраком, как правило, царила сосредоточенная тишина, нарушаемая лишь стуком ложек и шелестом страниц.

— Вот тут, — Коля тыкал пальцем в распечатку из архива прадеда. — Он пишет о «побочном эффекте стабилизации — резонансе родственных душ». Что это значит?

«Это, юный друг, — мысленно объяснял Арчибальд, с достоинством принимая из рук деда кусочек тушенки, — может объяснять прочность нашей связи. Твой прадед, судя по всему, не просто создавал технологию. Он открыл некий фундаментальный закон. Закон, который «Кронверк» хочет поставить на службу своим целям.»

— Значит, они не остановятся, — тихо говорил дед, и в его голосе не было вопроса, лишь констатация тяжелого факта. — Пока не получат то, что есть у вас двоих. И то, что лежит в этом архиве.

После завтрака Коля шел в школу. Эта часть дня казалась самой сюрреалистичной. Сидеть на уроках, решать уравнения и слушать про спряжения глаголов, зная, что в твоем рюкзаке лежат не тетради, а расшифрованные схемы секретного проекта, а дома тебя ждет телепатически связанный с тобой пес-сыщик из викторианской Англии.

В школе и его, и Машу, теперь встречали по-другому. После истории с возвращением картины они стали местными знаменитостями. Одни одноклассники смотрели на них с восхищением, другие — с непониманием и легкой завистью.

— Ну что, Шерлок, — подкатывал к нему на перемене Васька Петров, главный заводила класса. — Уже нашел, кто у меня из портфеля булку стащил? Сыщик, блин.

Коля только отмалчивался. Раньше такие подколки его задевали. Теперь они казались мелкими и незначительными, как писк комара на фоне грохота приближающегося поезда.

Маше было сложнее. Её слава компьютерного гения привлекла внимание учителя информатики, который теперь забрасывал её сложными задачами, пытаясь «развить её дар». Она отбивалась как могла, ссылаясь на занятость в «других проектах».

— Мне Васька Петров вчера предложил взломать школьный журнал и исправить ему тройку, — делилась она с Колей, прячась от всех в их тайном углу у заброшенной котельной. — Говорит, «проверить уровень моих навыков».

— А ты что? — уточнил Коля.

— Сказала, что взломаю и поставлю ему кол. Посоветовала не искушать судьбу.

Коля рассмеялся. В такие моменты мир ненадолго возвращался в свои привычные очертания. Но тень была всегда рядом.

Именно в такой обстановке их и застало официальное письмо из школы. Приглашение на «Торжественную линейку, посвященную чествованию юных героев, проявивших гражданскую бдительность».

— «Гражданскую бдительность», — прочитал вслух дед, и в уголках его глаз заплясали смешинки. — Звучит солидно. Почти как «боевая задача».

Маша, пришедшая обсудить новые находки в архиве, фыркнула:

— Они хотят повесить нам медали за то, что мы не дали им повесить себя на крючок «Кронверка». Ирония.

«В обществе, дорогая Маша, часто награждают за то, что ты не дал себя съесть, при этом тщательно скрывая существование хищников, — мысленно заметил Арчибальд. — Это называется «поддерживать моральный дух толпы». Я в свое время получил орден за поимку вора, в то время как настоящий преступник, лорд Чедвик, пил со мной портвейн в клубе.»

— Так что, идем? — спросил Коля

— Обязательно, — твердо сказал дед. — Мы должны играть по их правилам. Пока мы играем. Улыбайтесь, кивайте и принимайте грамоты. Пусть они думают, что мы успокоились, обнюхали свою миску с консервами и легли на коврик.

«Я бы предпочел, чтобы вы не использовали мою персону в таких вульгарных аналогиях, — мысленно возмутился Арчибальд. — Мой коврик — это пост, а не символ капитуляции.»

***

Актовый зал школы №17 им. Гагарина гудел, как растревоженный улей. Воздух был густым от запаха дешевых духов, мастики для пола и всеобщего возбуждения. Казалось, сама атмосфера была насыщена ожиданием некоего спектакля.

Коля, Маша и еще несколько «отличников и активистов» сидели на жестких стульях в первом ряду. Коля чувствовал себя неловко под десятками любопытных взглядов. Он ловил обрывки фраз: «...это тот самый, который с собакой...», «...а Машка-то вон какая незаметная, а тут на тебе...», «...наверное, премию дадут, денежную...».

Дед устроился в самом конце зала, у выхода, заняв свою привычную стратегическую позицию. Его спокойный, оценивающий взгляд скользил по толпе, выискивая аномалии. Арчибальда, к его величайшему облегчению, оставили в учительской.

«Меня оставили в заточении с женщиной, чьи парфюмы способны свалить с ног быка, — мысленно доносился до Коли его жалобный голос. — И она пытается угостить меня печеньем, по консистенции напоминающим строительный раствор. Это пытка.»

Коля едва сдержал улыбку, но в этот момент на сцену поднялся директор, и зал затих.

Церемония была долгой и утомительной. Директор, завуч, представитель из мэрии... Все они говорили правильные, пустые слова о патриотизме, гражданской позиции и подрастающем поколении. Коля смотрел на красные банты и натянутые улыбки и думал о том, как далека эта картина от истины. От темных переулков, от гула передатчиков, от холодного глаза сканера сетчатки в бункере.

Наконец, вызвали их.

— ...и вот они, наши юные герои, чья бдительность и смекалка помогли вернуть городу его достояние! Коля Скворцов и Маша Зимина!

Зал взорвался аплодисментами. Вспышки камер ослепили. Коле вручили толстенную, в кожаном переплете «Энциклопедию великих русских

полководцев» и грамоту в позолоченной рамочке. Он брал их с ощущением, что держит в руках не награду, а маскарадную маску. Он стоял на сцене, улыбаясь через силу, и чувствовал, как эта улыбка жжет ему лицо. Он не был героем. Он был мишенью, которую на время убрали с линии огня, чтобы повесить на грудь медаль.

И именно в этот момент, сквозь слепящий свет софитов, его взгляд, метавшийся по залу в поисках опоры, наткнулся на него.

В самом дальнем и темном углу зала, в арочном проеме, почти полностью скрытом складками тяжелого занавеса, стоял Агент Волка. В том же плаще, с тем же каменным лицом. Он не аплодировал. Руки были скрещены на груди. Он просто смотрел. Прямо на Колю. Время перестало существовать. Грохот аплодисментов, сияние софитов — все это растворилось, превратилось в фон, в размытое пятно. Весь мир сузился до узкого коридора, проложенного между его глазами и глазами незнакомца. В них не было ни ненависти, ни злорадства. Ничего человеческого. Лишь холодная, безжалостная констатация факта: «Я тебя вижу. Я наблюдаю. Ты — мой.»

Коля замер, не в силах пошевелиться, чувствуя, как ледяная струя страха пробегает по его позвоночнику.

Агент медленно, с почти театральной неспешностью, разжал скрещенные руки. Его правая рука поднялась, пальцы поправили манжет. И на запястье, поймав луч света, на мгновение сверкнула запонка. Четкий, яростный профиль Серебряного Волка.

Это был не просто жест. Это было послание, высеченное в свете и тени. «Мы здесь. Мы никуда не ушли. Твой «триумф» — это наш подарок. И мы можем забрать его в любую секунду.»

Затем он развернулся и бесшумно растворился в темноте коридора.

Аплодисменты стихли. Коля, бледный, с подкашивающимися ногами, сошел со сцены. Маша, заметившая все, тут же оказалась рядом, схватив его за локоть.

— Коль? Что с тобой? Ты белый как полотно.

— Он… был здесь, — выдохнул он, и голос его сорвался. — Смотрел на меня.

Они пробивались сквозь толпу поздравляющих. Учителя хлопали его по плечу, одноклассники что-то кричали, но Коля не слышал ничего, кроме звенящей тишины в собственных ушах. Он видел только одно — холодные глаза и сверкнувший в темноте символ.

Дед уже ждал их у выхода, его лицо было словно высечено из гранита.

— Я видел, — его голос был тихим и очень твердым. Он положил тяжелую руку на плечо внука. — Всё. Уходим.

Они забрали Арчибальда из учительской. Пес, судя по довольному виду и крошкам на морде, не только пережил пытку духами, но и сумел разжалобить секретаршу на дополнительную порцию печенья.

«Ужасное качество мучного изделия, — мысленно сообщил он, направляясь к выходу. — Но в качестве тактического ресурса — сгодится.»

Дома, закинув грамоты и энциклопедии на самую верхнюю полку шкафа, они молча сидели на кухне. Бытовая магия квартиры была разрушена. Стены больше не казались защитой. Они знали — их видели. И они были уязвимы. Здесь, в самом сердце их крепости.

— Мы вроде выиграли, — наконец, нарушила тишину Маша, но в ее голосе не было уверенности. — Картина на месте. Архив у нас. Мы живы.

— Мы выиграли одно маленькое сражение, — поправил ее дед. Он сидел, положив на стол свои большие, трудолюбивые руки, и смотрел на них, словно впервые видя. — Но враг не побежден. Он даже не ранен. Он просто отступил, чтобы перегруппироваться. И сегодня он нам об этом напомнил. Он показал, что наши жизни для него — открытая книга. Школа, дом... для них нет неприкосновенных мест. Это послание: «Вы не спрячетесь».

«Он продемонстрировал абсолютное превосходство в информации, — мысленно добавил Арчибальд. Он сидел у ног Коли, и его тело было напряжено, как пружина. — Он не стал нас хватать. Он просто явился и посмотрел. Это психологическая атака высшего пилотажа. Он хочет, чтобы мы боялись. Чтобы мы делали ошибки.»

Коля смотрел в окно. Вечерний Острогорск зажигал огни. Но теперь эти огни казались ему не уютными маячками, а миллионами слепящих объективов. За каждым окном, в каждой тени ему чудился тот самый безжалостный взгляд.

Они не почивали на лаврах. Они сидели в центре паутины, зная, что паук где-то рядом и лишь выжидает удобный момент. Их триумф оказался тонкой позолотой на железе страха. Но из этой тени, из этого леденящего душу осознания, рождалось нечто новое. Не паника. Не отчаяние. А холодная, стальная решимость.

Война не закончилась. Она только что предъявила им свой истинный, безжалостный лик.

Глава 15. Начало большого пути

Тишина, воцарившаяся в квартире Они сидели на кухне — дед, Коля, Маша и Арчибальд — и тишина, царившая в квартире, была их общим достоянием, пространством, где не нужны были слова.

Первым нарушил молчание дед. Он встал, подошел к старому буфету, с верхней полки которого теперь окончательно исчезла пачка его любимого «Беломора» — он завязал раз и навсегда в тот день, когда узнал, что внук в опасности, — и достал оттуда небольшую, потрепанную коробку из-под конфет.

— Отец всегда говорил: «Если враг знает о тебе всё, но ты знаешь о враге хоть что-то — ты уже не в проигрыше», — его голос был спокоен и твёрд. Он поставил коробку на стол. — Мы знаем о них немало. Мы знаем, что они могущественны. Что они боятся правды об «Палимпсесте». Что они похитили моих сына и невестку. — Он посмотрел на Колю. — И что они считают тебя и Арчибальда ключом к чему-то очень важному. Этого достаточно, чтобы не просто обороняться.

Он открыл коробку. Внутри лежали старые фотографии, пожелтевшие листки с заметками, чертежи, сделанные уверенной рукой Петра Скворцова, и несколько странных предметов: еще один обсидиановый амулет, маленький бронзовый компас со стрелкой, замершей на символе волка, и тонкая серебряная пластинка с микро-USB разъемом.

— Это не всё, что осталось от отца, — сказал дед. — Это — самое важное. То, что он доверил лично мне. Я много лет не прикасался к этому, думал, что тем самым защищаю семью. Оказывается, всё было наоборот.

Маша с благоговением, как археолог, прикасающийся к артефакту, взяла серебряную пластинку.

— Это накопитель. Древний, но... Я могу попробовать его прочитать.

«Великолепно, — мысленно произнес Арчибальд, подходя ближе и внимательно изучая содержимое коробки. — Настоящая сокровищница. Не золотая, но куда более ценная. Полковник, вы оказываетесь человеком, полным сюрпризов.»

— На войне, Арчибальд, сюрприз — это часто единственное, что стоит между тобой и поражением, — парировал дед, и Коля снова поймал себя на мысли, что

дед понимает пса куда лучше, чем можно предположить.

Пока Маша колдовала над подключением накопителя к своему защищенному ноутбуку, Коля взял в руки бронзовый компас. Стрелка не дрогнула, упрямо указывая на символ Волка.

— Он не на север показывает, — догадался Коля. — Он на что-то другое... на источник сигнала? На другую часть архива?

«Вероятнее всего, — мысленно поддержал Арчибальд. — Ваш прадед, судя по всему, создал систему меток. Возможно, этот компас ведет к другим тайникам. Или к людям, которым можно доверять.»

— Вот это да... — прошептала Маша, уставившись на экран. — Это... это не данные. Это карта сети.

На экране замигал сложный трехмерный граф, напоминающий нейронные связи или схему метро неведомого города. Узлы были помечены цифрами и символами, среди которых Коля тут же узнал знак «Кронверка» и «Серебряного Волка».

— Это... структура Ордена? — с надеждой спросил он.

— Глубже, — Маша увеличила масштаб. — Смотрите. Это не просто структура. Это... система их коммуникаций. Зашифрованные каналы, узлы передачи данных... Это чертеж их нервной системы! Тот самый «ключ», который они искали в картине! Прадед не просто знал о них — он проник в их святая святых!

В воздухе на кухне повисло ощущение настоящего, без преувеличения, открытия. Они держали в руках не просто улики. Они держали оружие.

— Но это палка о двух концах, — мрачно заметил дед. — Если мы начнем это использовать, они тут же поймут, что у нас есть этот ключ. И обрушатся на нас со всей силой.

«Безусловно, — мысленно согласился Арчибальд. — Это меч Экскалибур. Но вытащить его из камня — значит объявить войну во всеуслышание. Мы к этому не готовы. Пока.»

— Значит, мы готовимся, — твердо сказал Коля. Его голос прозвучал не по-детски. Он смотрел на схему, на компас, на лицо деда. — Мы изучим эту карту. Мы будем искать их слабые места. Мы найдём других... таких же, как мы. Которым они тоже причинили зло.

Он посмотрел на Машу. Та кивнула, ее глаза горели огнем настоящего охотника.

— Я уже вижу несколько незащищенных узлов. Мы можем начать с пассивного наблюдения. Слушать, смотреть, но не выдавать себя.

— И тренироваться, — добавил дед. — Коля, тебе — физическая подготовка. Не для драк во дворе, а для настоящих действий. Маша, тебе — углублять знания в кибербезопасности. А нам с Арчибальдом… — он посмотрел на пса, — нам придется научиться понимать друг друга без посредников. Насколько это возможно.

«Я готов к диалогу, полковник, — мысленно ответил Арчибальд, и в его тоне впервые зазвучало не просто уважение, а нечто вроде товарищеского чувства. — При условии, что вы перестанете называть мои умозаключения «вот этот пес опять что-то умное думает».»

Дед хмыкнул.

— Договорились. Буду называть «мнение уважаемого сэра».

Вечер плавно перетек в ночь. Маша, сраженная усталостью и эмоциями, уснула на дедовом диване, укрытая его старой шинелью. Дед ушел в свою комнату, и оттуда позвонил Машиным родителям, успокоил, сказал, что всё в порядке и Маша осталась ночевать у них.

Коля сидел на полу, прислонившись к дивану, и смотрел на ночной город за окном. Арчибальд лежал рядом, положив голову ему на колени.

«Ты не боишься?» — мысленно спросил пес, и его вопрос был лишен обычной иронии.

Коля какое-то время молчал, гладя его за ухом.

— Боюсь, — тихо признался он. — Но сейчас… это другой страх. Не такой, как раньше. Раньше я боялся темноты под кроватью. Потом боялся, что дед узнает про тебя. Потом боялся их, этих людей в плащах… А сейчас… сейчас я боюсь не справиться. Не оправдать доверия. Доверия деда, Маши… твоего. — Он посмотрел на пса. — Вы все мне поверили. А я… я всего лишь ребенок.

««Всего лишь», — мысленно повторил Арчибальд. — Юный друг, я прожил две жизни. Я видел трусов в мундирах героев и героев в лохмотьях бродяг. Возраст, пол, происхождение… это пыль на поверхности. Главное — вот здесь. — Он ткнулся носом Колю в грудь, в самое сердце. — И здесь. — Легкое прикосновение к виску. — У тебя есть и то, и другое. В избытке. Ты не «всего лишь» ребенок. Ты — Коля Скворцов. Мой друг. И наш враг, поверь, уже это понял.»

На следующее утро, когда Маша ушла домой, а дед отправился по своим делам (теперь они всегда сообщали друг другу маршруты), Коля достал с антресоли свою старую папку с надписью «Дела». Он долго смотрел на нее, затем взял черный маркер и закрасил слово «Дела». Рядом он вывел новое, четкое и уверенное:

«КОД АРЧИБАЛЬДА»

Он открыл папку на первой странице. Там уже не было небрежных записей о пропаже котят или подозрительных соседях. Он взял карандаш и начал рисовать. Сначала — схему из коробки деда, тот самый граф. Потом — символ Серебряного Волка. И под ним написал:

Цель №1: Установить наблюдение за узлами сети «Кронверк».*

Цель №2: Расшифровать указания компаса.*

Цель №3: Найти союзников.*

Главная цель: Найти родителей. Остановить «Палимпсест».*

Арчибальд наблюдал за ним, лежа на своем коврике.

«Внушительный список, мистер Скворцов.»

— Это только начало, сэр Хундерквинтель, — ответил Коля, вставая и подходя к окну.

Он смотрел на просыпающийся Острогорск. Город больше не казался ему ни уютным, ни враждебным. Он был полем боя. Но и домом тоже. Здесь, за этими стенами, у него была крепость. И команда.

Где-то там, в тенях, скрывался могучий и безжалостный враг. Но теперь они знали его имя. И у них был план. И ключ.

Они проиграли несколько схваток, но не проиграли войну. Они только вступили в нее по-настоящему. Вместе.

Коля обернулся и посмотрел на Арчибальда, на папку с новым названием, на дедову шинель на вешалке. Он чувствовал страх, да. Но поверх страха — огромную, незнакомую прежде тяжесть ответственности. И она была не тяжким грузом, а броней. И крыльями.